

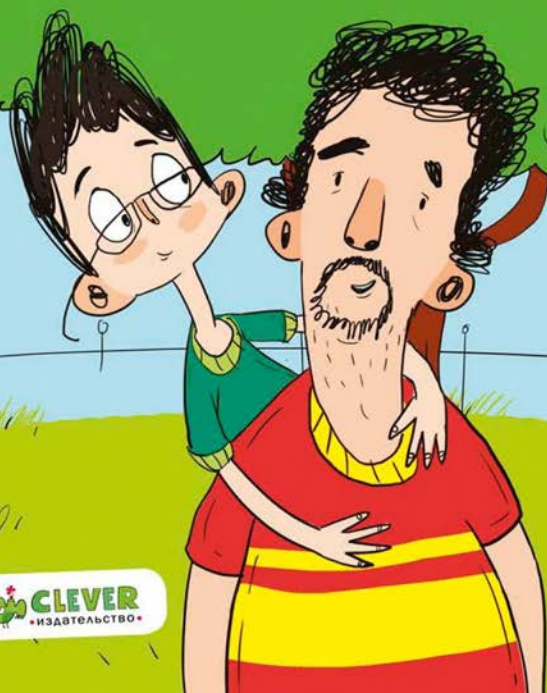
Михаил Барановский

Я ВОСПИТЫВАЮ ПАПУ-2

ИЛИ СОБАЧИЙ ВАЛЬС

НОВЫЙ ДЕТСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР!
ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

МЫ ГАРАНТИРУЕМ:
три часа смеха
для детей
и свободного
времени
для родителей!

 CLEVER
издательство

Издательство Clever

Генеральный директор
Александр Альперович
Главный редактор *Елена Измайлова*
Арт-директор *Лилу Рами*
Ведущий редактор *Мария Тонконогова*

Доп. тираж 500 экз.
Дата изготовления: 05.2016.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 17.
Подписано в печать 17.08.2016.

В соответствии с ФЗ № 436 от 29.12.10
маркируется знаком 6+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии» (ПАО «Т8»). Адрес: Российская Федерация, 109316, г. Москва,
Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5, к. 6

Издатель: ООО «Клевер-Медиа-Групп»
Почтовый адрес: 115054, г. Москва,
ул. Пятницкая, д. 71/5, стр. 2
Юридический адрес: 129085, г. Москва,
проезд Ольминского, д. 3а, стр. 3

Интернет-магазин: www.clever-media.ru

 clever-media-ru.livejournal.com

 facebook.com/cleverbook.org

 vk.com/clever_media_group

 [@cleverbook](https://twitter.com/cleverbook)

Книги – наш хлѣбъ
Наша миссия: «Мы создаѣм мир идей для
счастья взрослых и детей».

Умные, добрые,
красивые.

Какая из них твоя?

УДК 821.161
ББК 84(2Рос=Рус)
Б24

*Литературно-художественное издание
Для чтения взрослыми детям*

Иллюстрации *А. А. Осадчих*

Барановский, Михаил

Б24 Я воспитываю папу-2, или Собачий вальс / М. Барановский. — Москва: Клевер-Медиа-Групп, 2016. — 180, [8] с.: ил. — (Уморительно смешные книги)

ISBN 978-5-906838-85-8

Михаил Барановский — известный писатель и киносценарист. Его первая книга для детей — «Я воспитываю папу» — была очень тепло принята читателями и сразу же стала бестселлером. А теперь перед вами продолжение весёлых и трогательных историй о жизни десятилетнего мальчика Марика и его папы. Марик очень хочет собаку. Папа — с высоты своего жизненного опыта — не очень хочет. К тому же процесс выбора домашнего питомца оказывается совсем не простым... А может, ну её, эту собаку?

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2016
© М. А. Барановский, 2016

Михаил Барановский

Я ВОСПИТЫВАЮ ПАПУ-2, или Собачий вальс

CLEVER
•издательство•

1

Давным-давно исполнилось примерно сто лет с тех пор, как я упрашиваю папу купить мне собаку.

И вот случилось невероятное! Как-то вечером укладываюсь спать, и тут в комнату входит он и ни с того, ни с сего говорит:

— Может, нам собаку завести?

Неожиданно для самого себя я подпрыгиваю до потолка:

— Да-а-а!!!

— Тихо-тихо! Всех соседей перебудишь, — папа накрывает меня одеялом и придерживает, чтобы я так сильно

Собачий вальс

не подлетал над кроватью. — Только у меня есть несколько условий, — говорит.

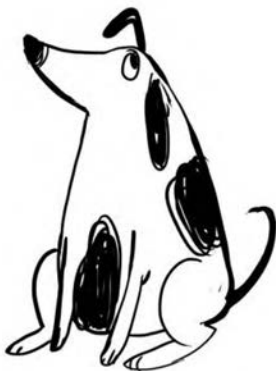
— Я согласен! — выпаливаю.

— Не хочешь поинтересоваться, каких?

— Ради собаки я на всё готов, — отвечаю.

— Ладно, — кивает, — но я всё равно скажу.

— Ну?

— Ты сам будешь за ней убирать.

— Хорошо!

— Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Ну конечно! Что тут непонятного?

Но он всё равно решает уточнить:

— Щенок постоянно гадит. И тебе за ним придётся убирать. И мыть ему лапы после каждой прогулки.

— Договорились!

— Не спеши.

— Что ещё?

— Вытирать пыль и пылесосить, — продолжает папа, — не реже, чем раз в три дня!

— Это тут при чём?

— Собака линяет. Если регулярно не пылесосить и не вытирать — везде будет шерсть: на одежде, на всех поверхностях, даже в тарелках. Меня это категорически не устраивает.

— Ладно, хорошо, — вяло соглашаюсь.

— Это ещё не всё... — говорит.

Надо же быть таким занудой.

— Ты должен мне пообещать, — говорит, — что перестанешь разбрасывать вещи по всей квартире.

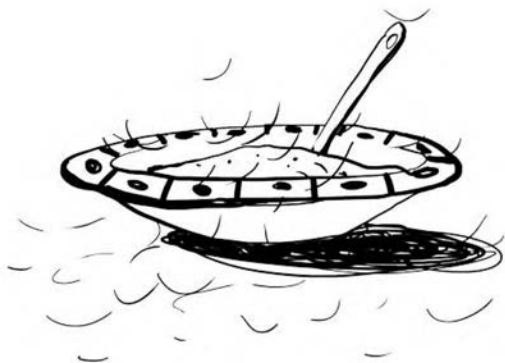
— Какое отношение это имеет к собаке?

— Прямое! Если ты не можешь проследить за своими носками, то что говорить об ответственности за живое существо?

— Я слежу! — отвечаю.

Папа оглядывает комнату. Замечает один носок на батарее, а другой на стуле.

— Мне так проще за ними следить, — говорю.

— Марик! — прерывает меня папа, недовольно цокая языком.

— Ладно, — бурчу себе под нос.

— Я не закончил, — грозно надо мной нависает. — Есть ещё несколько условий.

— Каких?

— Ты должен мне поклясться, что, когда вырастешь, — не будешь пить и курить.

— Клянусь.

Собачий вальс

— Прежде чем ты решишь жениться, познакомишь меня с невестой.

— Не вопрос, — говорю.

— И перестанешь наконец грызть ногти!

— Идёт.

— Минимум час в день будешь заниматься музыкой.

— Хорошо! — уже кричу.

— Не будешь забывать поднимать
сиденье унитаза.

— Согласен.

— Когда я стану больным и немощным,
не сдашь меня в дом престарелых?

— Нет.

— Клянись!

— Клянусь!

— И никаких чипсов и пепси-колы!

— Ну папа!

— И никаких «ну папа»!

Я сдаюсь. Всё-таки всю жизнь мечтал о собаке. Я готов на любые жертвы.

— Хорошо, — спокойно говорит папа. — Тогда... — снимает носок с батареи и вешает его на спинку стула, — с завтрашнего дня ты начинаешь убирать в квартире, заниматься музыкой, перестаёшь грызть ногти... Про крышку от унитаза я тебе говорил?

— Завтра у нас будет собака! — кричу я в полном восторге и снова подпрыгиваю до потолка.

— Нет, — говорит папа, — собаку мы возьмём чуть позже.

— Чуть позже? — я заползаю под одеяло, но тут же высовываю голову. — А «позже» — это когда?

— Может, через месяц, — отвечает. — А может, через два.

Собачий вальс

— Это нечестно! — ору я и стучу пятками по матрасу.

— Тебе нужно какое-то время, чтобы привыкнуть к новому графику.

— Не нужно мне никакого времени! — давлюсь слезами. — Я не могу так долго ждать!

Папа вздыхает, долго молчит, потом говорит:

— Ладно. Но только при одном условии...

2

Н очью я долго не могу заснуть. Папа храпит за стеной. Он храпит, как лев в заставке американской кинокомпании «Metro-Goldwyn-Mayer». Однажды я записал его храп на телефон. Теперь у меня есть рингтон специально для папы — когда он мне звонит, раздаётся страшный рык. Правда, папа до сих пор не верит, что это на самом деле его храп. Он считает, что спит тихо, как мышка. Думаю, если бы какая-нибудь мышка по неосторожности хоть раз так всхрапнула, — её бы разнесло в клочья.

Меня не беспокоит его храп. Я привык. Мне даже нравится, что такое чудовище спит за стенкой.

Я ворочаюсь, всё представляю, как у нас появится собака. На одном боку полежу — подумаю об овчарке, на другой перевернусь — представляю себе чау-чау. На спину лягу — упрусь взглядом в потолок, а там меня уже лайка

поджидает... Какая-то собачья карусель. Ладно, — решаю, — завтра, как проснусь, надо будет это с папой обсудить...

Утром захожу в ванную — там папа бреется перед зеркалом. Всё лицо у него обмазано пеной.

Я подхожу к унитазу и говорю:

— Смотри, я сиденье поднял.

— Молодец! — хвалит меня папа.

Правда, тут же добавляет:

— Целься в унитаз. Будешь писать мимо — отведу тебя к урологу.

— В обсерваторию? — спрашиваю.

— Да нет, — говорит удивлённо, — в обычную районную поликлинику. При чем тут обсерватория?

— Ты что-то перепутал, — замечаю. — Уролог — этот тот, кто погоду предсказывает: когда будет дождь, когда снег, а когда местами облачно, но с прояснениями. Я по телеку видел.

Собачий вальс

Папа почему-то начинает фыркать.
Потом заходится от смеха. От этого пена
у него на лице ходит ходуном.

Никогда не знаешь, что его может
насмешить. Отхохотав, он говорит:

— Погоду предсказывает метеоролог.
А уролог — это доктор, который лечит
тех, кто писает мимо унитаза.

— Какая разница? — отвечаю. —
Уролог — метеоролог... И вообще: я
не мимо! Не надо мне к метео... к этому
урологу.

— Давай купим чау-чау! У них язык фиолетовый! Это прикольно!

— Да, — соглашается папа. — Конечно, прикольно. Но ради одного языка брать целую собаку...

— Ладно, — говорю, — а хаски? Что скажешь? Мне нравится, что хвосты колечком. И глаза голубые, как у мамы.

— У мамы разве голубые? — недоумевает.

— Ну конечно, — удивляюсь. — Ты что, не помнишь?

Он морщит лоб и растопыривает брови:

— Нет! Странно всё-таки устроена человеческая память! — говорит

папа. — Я с твоей мамой прожил десять лет, но какого цвета у неё глаза — хоть убей — не скажу. А вот с хаски встречался всего несколько раз, но отчётливо помню, что голубые.

— Да, — соглашаюсь, — это странно. — Так что ты думаешь по поводу хаски?

— Послушай, — говорит папа, — мы же не будем выбирать собаку, исходя из того, какого цвета у неё язык или какой формы хвост...

Тут я начинаю улавливать, к чему он клонит.

Я говорю:

— Конечно нет! Дело в том — какого она размера, да? Мы же не можем себе позволить какого-нибудь сенбернара? Он, наверное, столько ест, что придётся новый холодильник покупать. Да и спать ему особо негде. Нам нужна какая-нибудь совсем крошечная собачка.

Хотя смешно, конечно, говорить это человеку, который в детстве хотел завести дома лошадь и держать её на балконе!

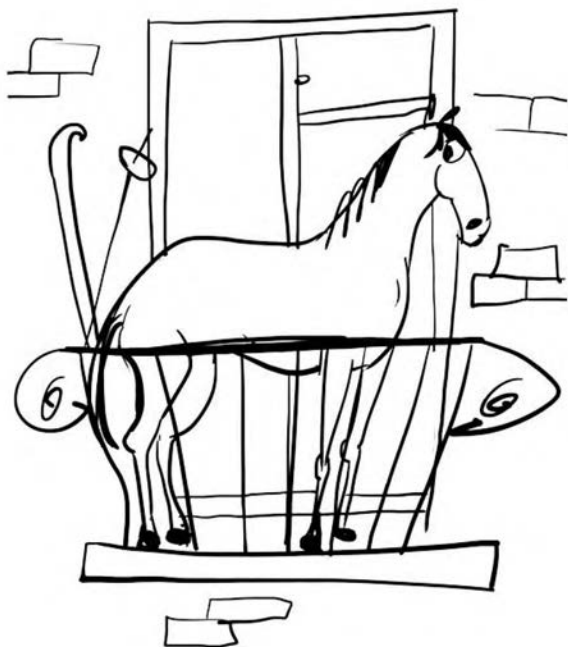
— Не люблю я маленьких собачек, — кривится папа. — Особенно нервных. Знаешь, есть такие голые с вытаращенными глазками... Чуть что — начинают лаять до хрипоты, а сами трясутся от страха. Раньше они заводились у одиноких сварливых старух, а теперь их носят на руках молодые девицы.

Недавно, — говорит, — был я в одном модном кафе. Смотрю — заходит такая барышня с тойтерьером в грудях. Официантка встречает её у дверей и спрашивает:

«Вы будете...» Тут взгляд её падает
на собачку, и она в нерешительности
выдавливает: «Вдвоём?»»

Папа смеётся.

— Не понял юмора, — говорю.

— Что тут непонятного? — удивляется папа. — Тётка пришла с собачкой, а официантка спрашивает: «Вы будете вдвоём?»

— Это я понял, — говорю. — Я не понял, что тут смешного.

Папа хмыкает:

— В таких случаях собака обычно не считается.

— Как это не считается?

— Так, — отвечает.

— Они же на самом деле вдвоём пришли!

— Марик, — злится папа, — этот тойтерьер ничего не будет заказывать в кафе, понимаешь? И стул отдельный не займёт! Он настолько маленький, что его совсем не обязательно учитывать. Он как аксессуар.

— Как что?

— Как бижутерия.

— Как что?

— Как украшение. Как брошка. Это смешная история. Жаль, что у тебя нет чувства юмора.

— Есть, — говорю. — Только это все равно не смешно!

— Послушай, а что, если бы тётка вообще с мышью в кафе пришла? А официантка её спрашивает: «Вы будете вдвоём?» Это было бы смешно?

Я говорю:

— Это зависит от того, в каких они отношениях.

— Кто с кем? — не понимает папа.

— Тётка с мышью.

— Тётка с мышью? — переспрашивает.

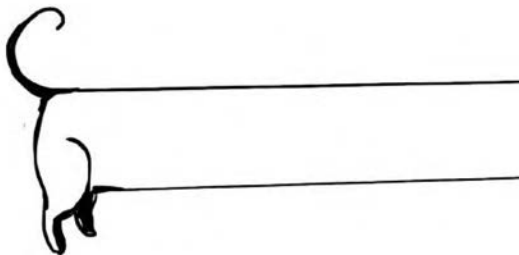
— Ну да! — говорю. — Если они друзья, то не смешно.

— Тётка с мышью? — твердит, как дятел.

Ну что тут непонятного?

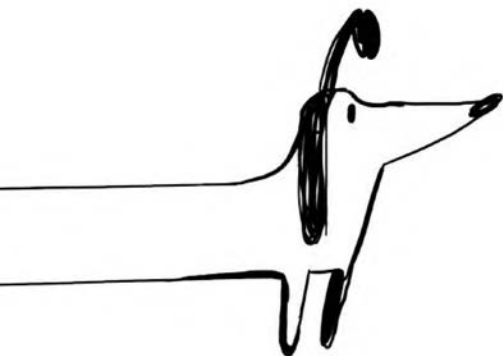
— Тётка с мышью! — говорю. —
Может, они друзья. Решили в кафе сходить. Приходят, а какая-то дура официантка одну из них не считает. Тогда другая может обидеться, что её подругу не посчитали. А они же вместе пришли!

— Тётка с мышью?

— Да!!! — ору я. — Тётка с мышью!

— Понятно, — неожиданно тихо
вздыхает папа.

— А та тётка, между прочим, была
даже не с мышью, а с целым тойтерьером!
Так что это вдвойне не смешно!

— Ладно, — бурчит папа. — У тебя есть право на собственную точку зрения.

— У тебя тоже, — говорю примирительно. — Если ты не любишь маленьких собачек, давай возьмём не очень маленькую и не очень большую. Среднюю такую... Какую-нибудь таксу, например. А что, такса прикольная. Похожа на сосиску с ножками. И места много не занимает.

Папа говорит:

— Такса — норная собака.

— Не проблема, — отвечаю, — сделаем ей норку.

— Не в этом смысле, — говорит. —
Она охотится за теми, кто в норках живёт.

— А что, за теми, кто не в норках,
совсем не охотится?

— Нет, — утверждает папа. —
Только за теми, кто в норках.

— Странно, — удивляюсь, — откуда
ей известно, кто где живёт?

— Не знаю, — признаётся. —
Вряд ли она у всех прописку проверяет.
Наверное, ей инстинкт подсказывает.

Я спрашиваю:

— А кто в норках живёт?

— Кроты, бобры, суслики всякие... —
перечисляет.

— Знаю, — говорю, — из них потом
норковые шубы делают.

Папа ухмыляется:

— Из кого?

— Из тех, кто в норках живёт.

— Нет, норковые шубы делают
из норок.

— Каких ещё норок?

— Это животные такие.

— Норки?

— Ну да.

— А где они живут?

— В норках. Норки живут в норках.

Из норок делают шубы.

— А из бобров? — спрашиваю.

— Из бобров тоже, но не норковые, а бобровые.

— Это странно, — говорю. —

Бобры же тоже в норках живут.

— Что в этом странного? — раздражается папа.

Тут и я не выдерживаю:

— Если все они в норках живут, почему шубы разные?!

Папа предлагает:

— Давай о чём-нибудь другом поговорим, а?

— Давай, — соглашаюсь. — Мне не нравится, что из животных делают

норковые шубы. Мне и бобров жалко,
и норок, и сусликов.

— Кому вообще нужны эти шубы?

— Женщинам, — отвечает папа.

— Жаль на женщин никто не охотится! — говорю.

— Точно, — поддерживает меня папа. — Столько норок можно было бы спасти!

Какое-то время мы молчим. Потом я спрашиваю:

— А какие ещё есть собаки, кроме норных?

— Ну, — говорит папа, — есть охотничьи...

— На кого они охотятся?

— На разных животных.

— На бобров и норок охотятся? — подозреваю неладное.

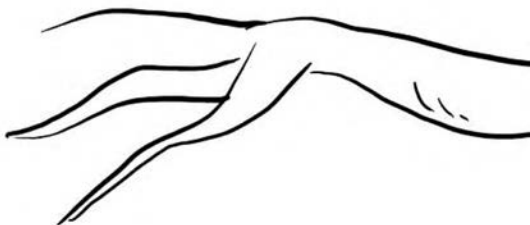
— В том числе, — говорит.

— Что-то я совсем запутался. Значит, такса — охотничья собака.

Папа кивает.

— Ты же сказал — она норная.

— Всё правильно. Есть собаки, которые охотятся, например, на медведей или на кабанов. Ты же с таксой на медведя не пойдёшь?

— Нет, — говорю. — Мне медведей жалко.

Папа вздыхает:

— А таксу тебе не жалко? С таксой на хорьков охотятся и прочих грызунов.

— Я знаю, — говорю. — Потом ещё из них шубы делают норковые...

— Мы же вроде договорились, что про шубы больше не будем?

— Да, — соглашаюсь. — Мне вообще охота не нравится. Какие есть ещё собаки, кроме охотничьих?

— Гончие, — говорит папа.

— За кем они гоняются?

— За зайцами, оленями...

— Гончие что, тоже охотничьи?

Папа чешет лоб:

— Выходит, что да.

— Как такса?

— Не совсем. Такса зайца никогда не догонит.

— Зачем его догонять? — спрашиваю. — Из зайцев что, тоже шубы делают?

Собачий вальс

— Не только шубы, — говорит папа. — Ещё и шапки.

— Бедные зайцы! Я бы никогда не надел шапку из зайца!

Зимой папа всегда следит за тем, чтобы я тепло одевался. Шарф — ещё куда ни шло. А вот шапка — это настоящее наказание. Кто вообще их придумал? Особенно из зайца? Я не знаю худшего изобретения. Человек в шапке выглядит, как чучело. А как её снимешь — волосы дыбом стоят, как соломенные. И ещё голова чешется. Зайцы гибнут ради каких-то дурацких шапок! У меня в голове это не укладывается!

— Когда я вырасту — ни за что не буду носить шапку, — говорю.

— Хочешь все мозги себе отморозить? — интересуется папа.

— Нет, — отвечаю, — верхняя часть головы у меня никогда не мёрзнет. Вообще! Мёрзнут только уши и нос. И то — не всегда.

— Шапка для того и нужна, — говорит папа, — чтобы в частности уши не мёрзли.

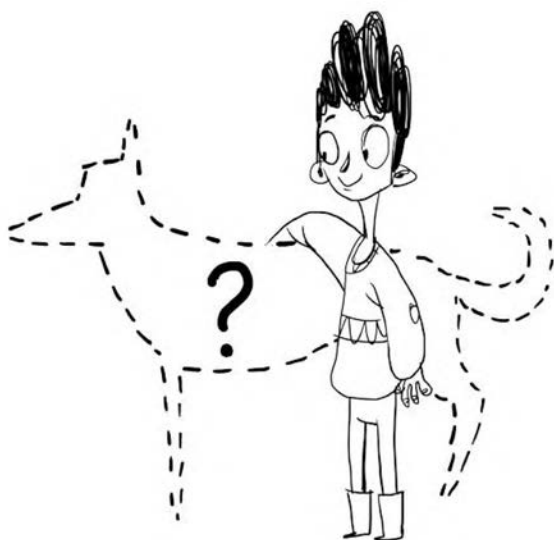
— А как быть в частности с носом? — интересуюсь. — Получается уши важнее носа? Это какая-то глупость.

Вообще-то я никогда не спорю насчёт шапки, когда папа провожает меня в школу. Но выйдя за дверь, тут же её снимаю. Спускаюсь до второго этажа и засовываю в почтовый ящик. А когда из школы возвращаюсь, — вынимаю.

Как-то раз сосед заметил, как я шапку достаю из почтового ящика. Так удивился:

— Какая интересная у вас под-
писка! — говорит.

Я боялся, что он как-нибудь расскажет
об этом папе, но сосед — молодец —
пока держится. Надеюсь, он уже забыл
об этом случае.

— **А** есть какие-нибудь собаки, которые ни на кого не охотятся? — спрашиваю папу.

— Есть, — отвечает, — служебные собаки.

— Кому они служат?

— Человеку, — говорит папа. — Они охраняют человека. Или подведомственную ему территорию.

В этот момент я понимаю, какая собака мне нужна.

Есть у нас во дворе один мальчик. Не знаю, какое у него на самом деле имя, но все зовут его почему-то Пиша. Неприятный такой типчик. Так вот, этот Пиша всё время ко мне цепляется.

Обычно он забирает у меня какую-нибудь вещь. Но это бы полбеды. Мало ли что у кого могут отнять во дворе. Самое обидное, что Пиша всегда заявляет, будто эта вещь его. Он говорит:

— Это моя кепка, —
и снимает её с моей головы.

Он никогда не объясняет, почему это вдруг его кепка? Как и когда она сделалась его?

Мне всегда хочется закричать:
«Неправда, Пиша! Мне её папа из Таллина привёз! Может, у него даже чек сохранился!» Но я всегда молчу.

— Это моя кепка, — нагло улыбаясь, говорит Пиша и напяливает её на свою белобрысую башку.

Мяч, клюшка, велосипед — всё что угодно враз становится Пишиным. От этого нет никакого спасения.

В конце концов он всегда возвращает то, что забирал, но от этого не легче...

А недавно стоим мы с ребятами — разговариваем. Тут подходит Пиша — смотрит на мои ботинки и говорит:

— Давай меняться: я тебе — свои, а ты мне — свои.

Я смотрю на его страшные, стоптанные башмаки. Кажется, их

передавали по наследству все Пишины предки.

Мне очень не хочется меняться. Я стою и молчу.

— Ну? — говорит Пиша. — Давай, разувайся.

— Они мне не нравятся, — выдавливаю я.

Неожиданно Пиша начинает хохотать. Смеётся, как сумасшедший, будто ему рассказали самый смешной на свете анекдот. Просто истерика какая-то. До икоты. До слёз. Он задирает голову и гогочет куда-то в небо:

— А они во-о-обще никому не нравятся!

И снова ухохатывается.

И вот я представляю себе, как однажды подходит ко мне Пиша и говорит что-нибудь вроде: «Это мой фонарик! Давай его сюда!»

И тут у меня из-за спины появляется служебная собака... Она неторопливо

Собачий вальс

подходит к Пише, смотрит ему прямо в глаза, поднимает верхнюю губу так, что сразу становятся видны все её зверские клыки. Служебная собака издаёт короткий, но очень грозный рык. Шерсть на загривке становится дыбом.

Пиша, само собой, тут же делает в штаны.

А я, как бы невзначай, говорю что-нибудь вроде:

— Вот чёрт! Совсем забыл сделать ей прививку от бешенства.

— Давай купим служебную собаку, —
предлагаю папе.

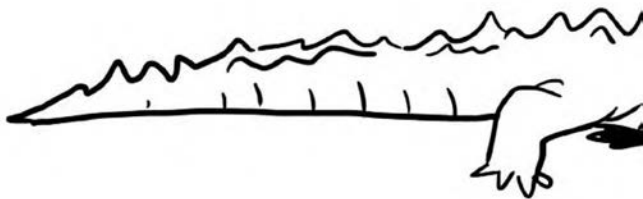
— Зачем тебе служебная собака? —
интересуется.

— Чтобы она меня защищала.

— От кого?

Я не стал ничего говорить про Пишу.
Думаю, если бы рассказал, папа тут же
отправил меня заниматься боксом или
карате. А мне этого совсем не хочется.
Хватит с меня и музыкальной школы.

— От хулиганов, — говорю.
И вообще... Сейчас столько психов разве-
лось.

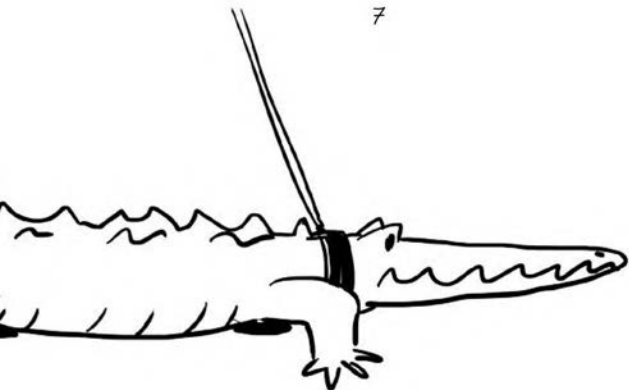
— Может, тебе записаться на бокс или восточные единоборства?

Ну! Так я и думал!

— Может, — продолжает, — вместо собаки нам стоит купить крокодила?

— Не смешно, — отвечаю.

— А я и не шучу! — говорит. Судя по всему, ему понравилась эта мысль. — Крокодил — это практически та же такса, — заявляет. — Только пасть побольше. Будешь гулять с крокодилом — никакие хулиганы тебе не страшны! А что, они прикольные — крокодилы.

Я говорю:

— Ты можешь хоть иногда быть серьёзным?

— Иногда могу, — признаётся.

— Тогда давай серьёзно поговорим о служебных собаках, — настаиваю.

— Служебных собак много, — говорит уже спокойно. — Овчарки, ротвейлеры, доберманы, лабрадоры, ризеншнауцеры...

— У тебя же был ризеншнауцер!

— Да, — говорит папа, — был.

И замолкает как-то подозрительно.

— Может, нам завести ризеншнауцера?

Папа качает головой:

— Нет.

— Почему? Он тебе не понравился?

— Не в этом дело.

— А в чём? Как его звали?

— Ирвин.

— Почему ты почти ничего не рассказывал мне про Ирвина?

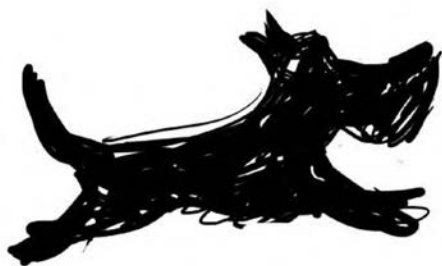
Папа долго молчит, потом говорит:

— Потому что мне стыдно.

Никогда раньше я не слышал, чтобы папе было за что-то стыдно. Ну, разве что за меня... Но это не в счёт.

— Что ты такого сделал, — спрашиваю его тихо, — что тебе стыдно?

— Я Ирвина взял щенком, — рассказывает папа, — и прожил с ним десять лет. Представляешь? Столько же, сколько с тобой. Только десять лет для собаки — это, если пересчитать на человеческий возраст, лет шестьдесят получается.

— Как нашему дедушке, — уточняю.

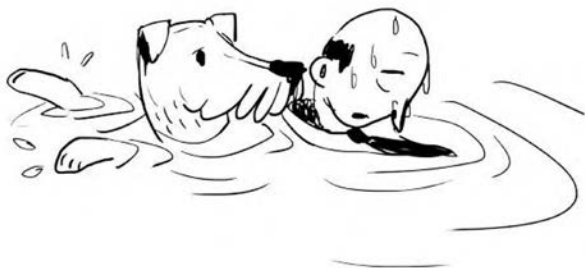
— Да. Только Ирвин и в эти годы был бодрым, весёлым, игривым и постоянно голодным. Но больше всего на свете он любил блины.

— Точно, как я!

— Да. Как-то раз он серьёзно заболел, и мы с твоей мамой даже не знали, выздоровеет он или нет. Несколько дней он отказывался есть и пить. Почти не вставал. Лежал на боку и вздыхал, а мы давали ему разные лекарства, делали уколы и очень переживали.

В тот день мама приготовила блины. Мы сели за стол и увидели, как он шатающейся походкой, еле перебирая лапами, бредёт по коридору на кухню... Так любовь к блинам победила смерть.

— Расскажи мне ещё про Ирвина.

— Знаешь, про собачью преданность написано много книг. И фильмов тоже снято прилично. Там собаки спасают своих владельцев от пуль, вытаскивают их из воды и огня. Или вот ещё был фильм о том, как один пёс на протяжении многих лет каждый день приходил на одну и ту же железнодорожную станцию, надеясь встретить своего хозяина, который давным-давно умер...

Ничего такого про Ирвина я тебе рассказать не могу. Мы просто жили с ним бок о бок десять лет и привыкли друг к другу. Понимаешь?

— Что ж тут непонятного? — говорю. — Не разговаривай со мной, как с маленьким. Мне, между прочим, уже лет шестьдесят, если перевести с человеческого на собачий.

— Марик, — говорит папа, — если бы ты был крысой, тебе бы сейчас было лет триста!

— Серьёзно? — удивляюсь.

— Абсолютно, — заверяет. — Но умнее от этого ты всё равно бы не стал.

Я говорю спокойно:

— Ладно, я сейчас не буду на тебя обижаться. Но только потому, что мне интересно: чем всё закончилось? Что было потом?

— А потом, — продолжает папа, — мне нужно было уехать в Москву... Я не мог взять Ирвина с собой.

— Почему? — спрашиваю.

— Я сам толком не знал, где буду жить. Да и вряд ли кто-нибудь сдал мне с такой большой собакой квартиру. Но даже если бы повезло с жильём, Ирвину пришлось бы целыми днями сидеть там одному. А ещё командировки... В общем, мне ничего не оставалось, как отдать его хорошим людям. У них частный дом и свой двор, в котором он мог гулять...

— И давно это было?

— Давно, — вздыхает. — С тех пор меня никто так не встречает, когда я возвращаюсь с работы. Когда раздаётся звонок в дверь, никто не лает. Никто не суёт свой нос в холодильник, когда я открываю дверцу. Никто не кладёт мне морду на колени и не пускает слюни на мои штаны, когда я сажусь ужинать. Никто не будит меня по утрам, поскуливая над ухом... Если б ты знал, как мне всего этого не хватает!

— А что было с Ирвином?

— Я не знаю, — отвечает и мрачнеет прямо на глазах.

— Ничего не понимаю, — говорю. — Ты же мог к нему съездить!

— Не мог.

— Почему?

— Тогда получается, мне пришлось бы бросить его второй раз. Понимаешь?

— Не совсем, — признаюсь.

— Когда ты был совсем маленьким и жил с мамой, я приезжал к тебе из Москвы. Ты мне так радовался.

А я всё время думал о том, как буду уезжать. Нам было очень трудно прощаться. Ты не хотел отпускать мою руку. А когда за мной закрывалась дверь, я ещё какое-то время стоял на лестничной площадке и слышал, как ты там рыдаешь...

— Теперь понятно, — говорю.

— Так что, — продолжает папа, — у меня не получилось его навестить. Я даже ни разу не смог позвонить его новым хозяевам, чтобы узнать, как он там. Страшно было услышать что-нибудь нехорошее...

— Ты боялся узнать, что он умер?

— Да.

— Думаешь, Ирвин на тебя обиделся, что ты его отдал?

— Нет, — говорит папа. — Собака никогда не обижается на своего хозяина. Даже если этот хозяин — распоследняя сволочь. Собака всё прощает и продолжает любить. А вот я себя простить не могу. За то, что его похоронили чужие люди. Не я.

Грустная история. Я не знаю, что сказать, надо как-то его утешить. Сидит смотрит в окно, и глаза блестят.

Собачий вальс

Я подхожу к папе и кладу руку ему на плечо:

— Можешь не сомневаться: я не сдам тебя в дом престарелых. Я тебя сам похороню.

Он вытирает ладонью мокрые глаза и улыбается.

— Только это будет очень нескоро, — говорю. — Лет через сто. А к этому времени учёные изобретут какие-нибудь таблетки от смерти, и никто не будет умирать. Так мне кажется.

Ещё я думаю, что когда-нибудь люди научатся управлять временем, чтобы каждый мог вернуться в прошлое и исправить там свои ошибки.

Я думаю, если бы сейчас папе предлагалась такая возможность, он обязательно что-нибудь придумал, чтобы не отдавать Ирвина чужим людям.

Может быть, тогда они с мамой решили бы, что им не нужно было разводиться, и мы бы сейчас жили все вместе.

Кроты, бобры и суслики спокойно обитали бы в своих норках, и никто бы не охотился на них ради норковых шуб, а из зайцев не делали бы шапки.

Собачий вальс

Может быть, тогда в мире не было бы никаких войн, и все жили мирно.

Я бы тоже вернулся в прошлое, чтобы не брать монетку из бабушкиного кошелька. Тем более что потом я её потерял.

— **О** чём ты думаешь, когда мечтаешь о собаке? — спрашивает меня папа.

Я говорю:

— О собаке естественно. О чём мечтаю — о том и думаю. Странный вопрос.

— Ничего странного, — возражает. — Я хочу понять, какие картинки в это время всплывают в твоём мозгу?

— Зачем тебе, — спрашиваю, — знать, что у меня в мозгу всплывает?

— Ну, ты же что-то себе представляешь, когда о ней думаешь? — никак не может успокоиться.

— Представляю, — говорю, — как мы с ней гуляем во дворе и мне все завидуют.

— Так, — говорит, — хорошо. Что ещё?

— Уф-ф-ф! Это что, допрос?

— Нет, — отвечает, — мне просто интересно.

— Представляю, что глажу её и за ухом почёсываю.

— А ещё?

— Если у неё будет розовый язык, а не фиолетовый, то это тоже неплохо.

— О какой ерунде ты всё-таки думаешь! — вдруг заявляет.

— Тогда, — говорю, — я тебе больше вообще ничего не буду рассказывать, раз ты так...

— Ну-ну, — бурчит. — А о том, что она может заболеть, совсем не думаешь?

— Нет, — говорю. — Заболеет — вылечим. Чего об этом думать?

— Как у тебя всё легко! — восклицает. — А о том, что она когда-нибудь умрёт?

— Я не хочу об этом думать, — говорю.

— Лучше тебе об этом подумать прежде, чем мы возьмём собаку.

Я чувствую, что один глаз у меня начинает подкапывать, как кран на кухне.

— Зачем ты всё это говоришь?

Собачий вальс

— Чтобы ты видел картину в целом.

— Мне не нравится такая картина! —
кричу и отворачиваюсь.

Папа подходит ко мне.

— Марик, — тихим голосом
говорит, — посмотри на меня, об этом
надо думать.

— А я не хочу! — ору.

Из второго глаза тоже течёт.

Папа вытирает ладонью мои щёки:

— Представляешь, что ты будешь чув-
ствовать, когда она умрёт?

Я ничего не отвечаю, только шмыгаю
носом.

Потом говорю:

— Сколько лет живут собаки?

— Лет десять—пятнадцать.

— Через десять—пятнадцать лет
я буду уже абсолютно взрослым.

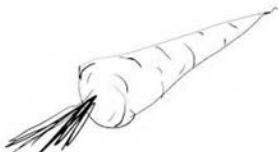
— Да, — говорит папа, — действи-
тельно. А я — абсолютно старым...

Он вздыхает. Потом оживляется:

— Но я переживу эту собаку! Чего бы мне это ни стоило! Точно тебе говорю! Помнишь тётю Леру? — спрашивает уже весёлым голосом. — А кролика? Как его зовут-то?

— Филипп, — напоминаю.

— Точно-точно! — трясёт головой. — Филипп!

11

Тётя Лера — это какая-то наша родственница. У неё есть дети. Точно не могу сказать, сколько именно. Их так много, что, по-моему, она уже и сама сбилась со счёта.

Как-то раз мы с папой заезжаем к ним на полчаса, потому что полчаса — это максимум. Выдержать это ещё хотя бы на пять минут больше просто невозможно.

Весь дом ходит ходуном. Дети орут и скачут по стенам и потолку. Где-то под ногами мечется несчастный кролик.

Тётя Лера всё время вопит:

— Сашка, слезь отсюда немедленно!

Потом она спокойным голосом обращается к папе:

— Напомни, на чём я остановилась?

Но не успевает папа открыть рот, как она отворачивается и смотрит поверх своих очков куда-то в сторону:

— Женья, перестань орать! Женья, ты меня слышишь?!

И снова к папе:

— Ты что-то хотел сказать? Извини, я тебя перебила.

Папа пробует ответить, но тётя Лера тут же всплёскивает руками и вопит:

— Гришенька, я тебя умоляю: только не эту вазу!

Потом опять обращается к папе:

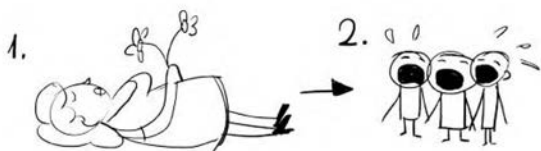
— Так о чём это я?

Но тут какая-то маленькая девочка неожиданно выныривает откуда-то из-под стула, на котором сидит тётя Лера, подпрыгивает и внезапно целует её прямо в очки.

От неожиданности тётя Лера вскрикивает и хватается за сердце.

— Деточка, — говорит она своему очередному ребёнку, — не целуй меня, пожалуйста, в очки — я потом через них плохо вижу.

А у меня потом целый день уши болели и в глазах рябило. С тех пор я больше не езжу к тёте Лере. Даже на полчаса.

— И что Филипп? — спрашиваю.
— Тётя Лера считала, — говорит папа, — что детей надо готовить к неизбежным утратам постепенно. Для этого она подарила им кролика.

— При чём тут кролик?

— Тётя Лера предполагала, что уход из жизни кролика послужит детям как бы прививкой от шока перед неизбежным концом. Что его смерть будет поводом для серьёзного разговора на эту тему.

— Специально купила кролика, чтобы он умер у них на глазах и они об этом поговорили? — удивляюсь.

— Ну, как-то так... — соглашается папа.

— Чтобы дети увиделидохлого кролика и потом, когда умрёт тётя Лера, не сильно переживали?

— Вроде того, — отвечает.

— Но тётя Лера совсем не похожа на кролика.

— Это неважно. Главное, — говорит, — она хотела, чтобы дети задумались над смертью и поняли, что люди, как и кролики, не вечны.

— Ясно, — отвечаю. — Я только не понимаю, зачем она кролика купила.

Папа громко вздыхает:

— Я же тебе только что объяснил!

— Это я понял! — злюсь. — Почему именно кролика? Почему не собаку или кошку? Почему не черепаху или попугая? Почему именно кролика?

Папа запрокидывает брови на лоб и выпучивает глаза:

...

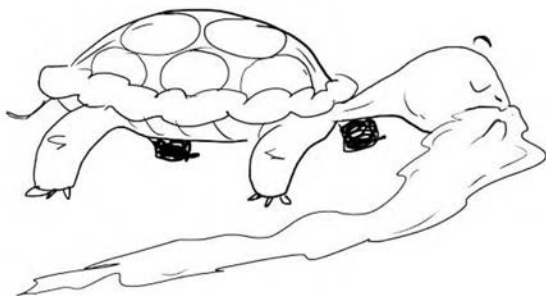
— Понятия не имею! — задумывается. — Возможно, потому что черепаха или попугай живёт намного дольше. К тому же этот Филипп часто болел. Правда, ещё чаще выздоравливал... А тётё Лере не хотелось откладывать этот разговор в долгий ящик. Понимаешь?

Я киваю.

— А сколько кролики живут? — спрашиваю.

— Кажется, от силы лет пять.

— А сколько сейчас Филиппу?

— Точно не знаю, — говорит папа, — но значительно больше. Видимо, это какой-то кролик-долгожитель.

— Странно, что он не умер в первые полчаса, как попал к ним в дом, — замечаю. — И как он себя чувствует?

— Прекрасно! — говорит папа. — Когда я был у них в последний раз, мы наблюдали, как он резвился...

— А если тётя Лера умрёт первой, — рассуждаю я, — то потом, когда умрёт Филипп, дети, наверное, уже не будут так сильно переживать из-за кролика?

— Думаю, нет, — соглашается папа.

Я понимаю: папа не хочет брать ризен-шнауцера, потому что тот будет напоминать ему об Ирвине.

— Какую же нам взять собаку? —
размышляю вслух.

— Зачем тебе собака?

Опять двадцать пять!

— Я же говорил! — возмущаюсь. —
Для защиты! Ты что, совсем меня не слушаешь?

— Ладно, — говорит папа, —
хорошо. Давай наймём тебе телохранителя

вместо собаки. Здоровенного такого мужика в костюме, чтобы всюду тебя сопровождал. Ни один псих к тебе не полезет.

— И во дворе со мной гулять будет? — спрашиваю.

— И во дворе, — отвечает, — и в школу будет с тобой ходить...

— И на уроках сидеть?

— Вряд ли, — говорит, — он за партой не поместится. Скорее всего, придётся ему ждать за дверью. Но на переменах он будет следить, чтобы тебя никто не обижал.

— Ха! — восклицаю. — Он что, со сменкой будет ходить? У нас без сменки не пускают. И вообще, у тебя денег не хватит на телохранителя.

— Хватит, — говорит, — не волнуйся. Ты думаешь, на собаку тратиться не надо? Корм, ошейник, поводок, намордник, прививки всякие, средства от блох, клещей

и глистов, игрушки... А если заболест, — к ветеринару надо будет вести. Всё это денег стоит. Думаю, не дешевле, чем телохранителя нанимать. То на то и выйдет! А хлопот с телохранителем значительно меньше.

— Ты шутишь! — говорю.

— Нисколечко, — отвечает.

— Не нужен мне никакой телохранитель! Мне собака нужна!

— Для чего? — вот пристал, так пристал.

— Для чего, для чего... Что ты заладил?

Папа говорит:

— Был у меня как-то один знакомый. У него жену звали Лада.

— И что такого? — спрашиваю.

— Ещё у него собака была по кличке Лада.

— Никогда бы свою собаку так не назвал, — говорю.

— И машину он себе купил знаешь какую?

— Нет, — признаюсь.

— «Ладу»! — аж вскрикивает. — Так вот, про него говорили, что он «заладил». А я тебя просто спрашиваю: для чего тебе собака?

— Для души, — говорю.

— Вот это другое дело! — весело и больно тычет мне в живот указательным пальцем. — Если собака тебе для души, то, может, не так уж и важно, какой она будет: служебной — охотничьей, гладкошёрстной — длинношёрстной, большой — маленькой, брюнеткой — блондинкой, худой или толстой...

Я какое-то время размышляю над тем, что он сказал. С одной стороны — вроде бы всё правильно. А с другой — хочется, чтобы и для души, и чтобы служебная, и лучше, чтобы не очень толстая...

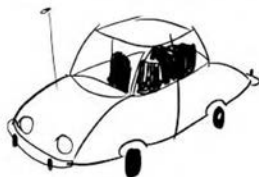
ЛАДА 2.

ЛАДА 1.

ЛАДА 3.

— Вот ещё какая проблема, — говорит папа. — Ты ведь на все каникулы к бабушке с дедушкой уезжаешь каждый год. А с собакой кто в это время будет?

Я говорю:

— Ты.

— Я не могу.

— Почему?

— Ну, мне же надо когда-то и личной жизнью заняться, — отвечает. — Вот ты уедешь на три месяца, я и займусь.

— Какой ещё личной жизнью? — не ожидал я такого поворота.

— Буду мачеху тебе искать, —
говорит.

— Мне не нужна мачеха. Мне собаки
вполне достаточно.

— А мне — нет, — вздыхает. —
Собака — это, конечно, хорошо, но одно
другому не мешает.

— Ещё как мешает!

— Марик, — говорит папа. — Мне,
пока не поздно, надо найти равнодушного
человека.

— Зачем тебе равнодушный человек?

— Равнодушного — не в смысле без-
различного, а — равного душой.

— С такой же, как у тебя?

— Ага, вроде того, — говорит папа.

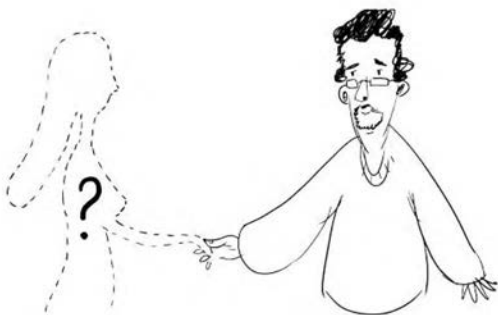
— Обязательно женщину? — интере-
суюсь.

— Желательно, — отвечает.

— У собак же тоже есть душа?

— Думаю, да.

— Может, всё-таки...

Но папа не даёт мне договорить:

— Нет. Собака точно не подойдёт.

— Это странно, — говорю.

— В чём странность? — интересуется.

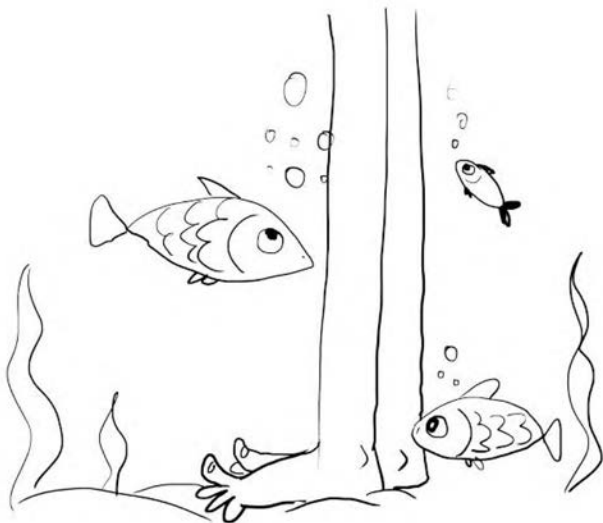
Я говорю:

— Странно, что мне для души хочется завести собаку, а тебе для того же — женщину.

— Это нормально, — считает папа. — Просто всему своё время.

— И как ты её искать будешь, эту женщину? — спрашиваю. — Собаку найти проще.

— Это точно, — вздыхает.

Тут я вспоминаю, как однажды мы
с папой улетели из зимы в лето.
Из заснеженной Москвы — к цветастым
растениям, жаркому солнцу. В Египет.
К Красному морю.

Я беру на пляж прихваченную с
завтрака булочку и захожу по пояс в воду.
Булочка тут же размокает. Мякиш проса-
чивается сквозь пальцы, расплывается тон-
кими лоскутками. Пёстрые праздничные
рыбы суется вокруг меня, подбирая уго-
щение.

А вечером мы сидим в плетёных креслах у нашего номера. Солнце тонет в пальмах. С моря приятно поддувает.

— Ветер, — говорю я.

— Ага, зима, — вторит мне папа, протягивая солнцу голые ноги.

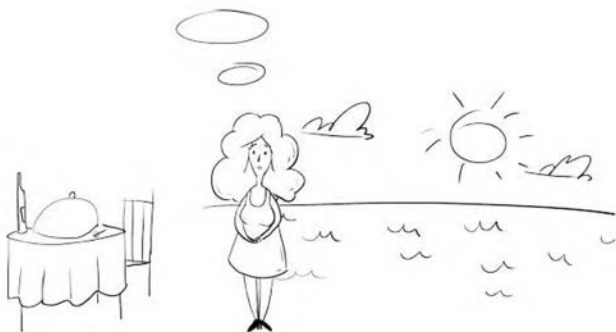
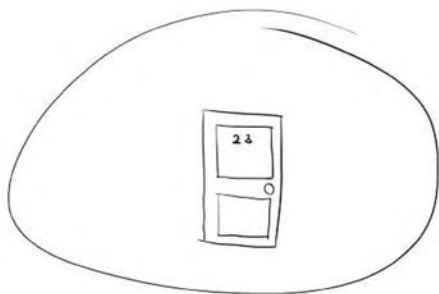
Мы наблюдаем за одной тётенькой, которая ходит мимо нас, меняя направление, перемещаясь с одной аллеи на другую.

— Может, она потерялась? — спрашиваю я.

— Только приехала и не может найти свой номер, — делится предположением папа.

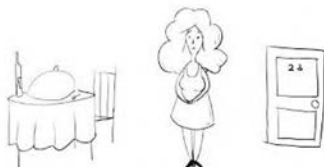
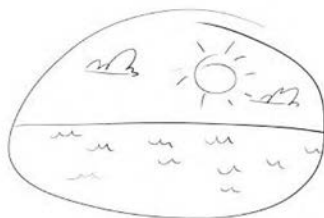
— А у неё там все вещи, — говорю я. — Ну, документы, купальник и всё такое...

— Да. Приехала отдыхать и на тебе — заблудилась. Вот оно море. Вот ресторан, а где номер — не найдёт. А без крыши над головой — что за отдых? Так долго не протянешь...

Собачий вальс

— А может, она ищет море?

— Да. Всё нашла: ресторан, номер, а моря нет. Вот расстроилась, наверное: «Чего ж я приехала, если тут моря нету?»

— Она и купальник привезла, и документы... А моря нет.

— Без моря на море долго не протянешь. А может, — говорит папа, — она

и номер свой нашла, и море, а ресторан найти не может. А без еды человек долго не протянет. Вот она и бегаёт туда-сюда.

— Ресторан ищет. Точно.

— А может, — не унимается папа, — она всё нашла: и море, и ресторан, и номер... А не может найти только знаешь кого?

— Кого?

Собачий вальс

— Мужчину. Всё есть: и море,
и номер, и ресторан, а мужчины нету.

А без мужчины на отдыхе женщина
что?

— Долго не протянет?

— Точно, — кивает папа.

— Слушай, — говорю, — а может,
она тебя ищет?

— Вот вернёшься от бабушки
с дедушкой, — довольно так
ухмыляется, — а у тебя тут готовая мачеха.

Злит меня, похоже, специально.

— Не думаю, — говорю, — что так
случится.

— Напрасно, — отвечает. — Только
ей, наверное, будет немного за тридцать.
К этому возрасту у женщин обычно заво-
дятся дети или что-нибудь в этом роде...

— Дети?! Что угодно, только
не это! — ору в ужасе.

— А что, дети — это прикольно, —
спокойно так отвечает. — Не знаю

только, куда мы их положим, — оглядывается по сторонам. — На твоём диване все, пожалуй, не поместятся.

— Все?! На моём диване?! — не могу поверить, что он это серьёзно!

— Ну, — говорит, — спальных мест-то у нас немного.

— Ты сейчас шутишь или просто издеваешься? — спрашиваю.

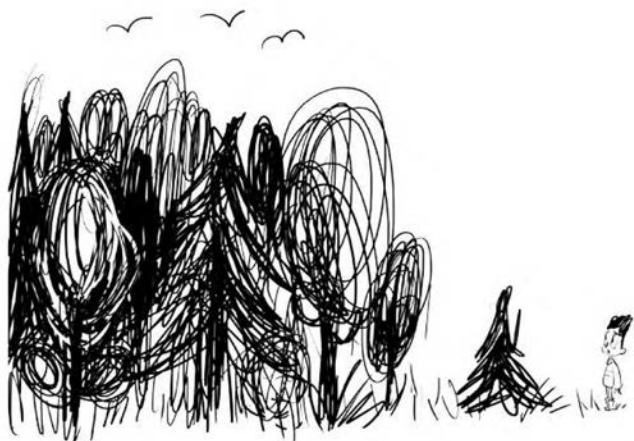
— Да ладно, — подмигивает, — будет у тебя типа брат или сестра. Что плохого?

Я говорю:

— Что-то я не совсем понимаю: ты решил свою личную жизнь устраивать или мою портить?

Молчит. Чувствую, стыдно ему стало.

Как-то раз я тоже пытался устроить свою личную жизнь. Это было несколько лет назад. Мы с папой поехали к его другу — художнику.

Художник живёт в собственном доме на большой горе. В настоящем лесу. Ночью шакалы воют. Их зелёные глаза светятся в темноте. Летают светляки, и пахнет прохладой. Где-то в шифере крыши над нами живёт крыса Лариса. Художник всё время курит сигары, а Лариса кашляет — не переносит. И тогда он открывает окошко — «для

свежести». И там то ли цикады, то ли сверчки... стрекочут. А под горой — Чёрное море. Ночью — особенно чёрное и особенно слышно, как хлещут волны. А прямо из окна видно, как они бьются о берег и пузырятся, будто кто-то плеснул туда пену для ванн.

И вот в один прекрасный день сижу я на пляже и тут вижу её. Ну, эту девочку. Она выбегает из воды. Ей холодно. Она смешно так подвывает и клацает зубами на весь пляж, пока мама обтирает её полотенцем. Я за ней незаметно, но внимательно наблюдаю. Потом она грызёт зелёное яблоко, подходит ко мне и говорит:

— Привет, меня зовут Элина. А тебя?

Я говорю:

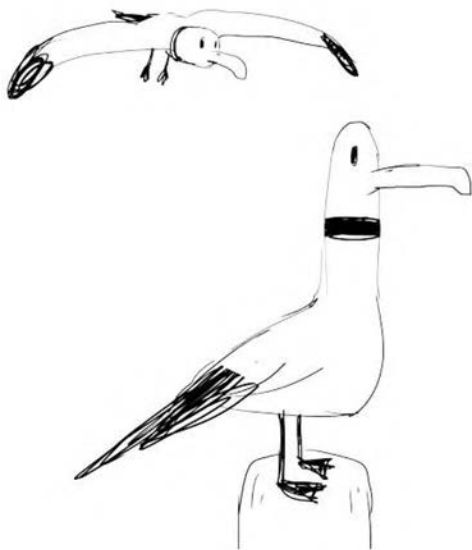
— Меня по-другому.

Это я от волнения такую глупость сморозил. Понятно, что меня ни при каких обстоятельствах не могут звать Элина. Но я моментально спохватываюсь:

— Марик, — говорю.

Она какое-то время молча меня изучает, будто я прилетел с другой планеты и вместо носа у меня антенна.

Я, конечно, ещё не успел так хорошо загореть — кожа, как у цыплёнка

Художник ставит на стол блюдо с фиолетовым баклажаном, несколькими головками репчатого лука и одним болгарским перцем жёлтого цвета.

— А сейчас, Марик, — говорит многозначительно, дымя толстой вонючей сигарой, — мы будем с тобой писать натюрморт. Ты знаешь, что такое натюрморт?

Конечно знаю.

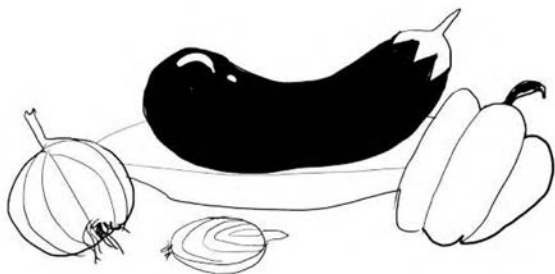
— Натюрморт — это сырые овощи для рисования, — отвечаю.

Художник улыбается, не вынимая из рта сигару, и говорит:

— Ты прав. «Мёртвая природа» в переводе с французского. Изображение неодушевлённых предметов.

Слышно, как покашливает где-то над нашими головами крыса Лариса.

Художник устанавливает около стола два мольберта — один для себя, другой для меня. Закрепляет на них бумагу

кнопками, даёт мне акриловые краски и кисти... Мы пишем натюрморт.

Мне не очень хочется рисовать мёртвый баклажан. Я бы лучше написал портрет одушевлённой Элины.

Лицо у неё совершенно особенное. Оно как будто всё время разговаривает. Только не словами, а глазами, бровями, губами, лбом и даже ушами. Очень разговорчивое лицо. Эмоции слетаются на него, как мошки на свет фонаря.

Я рисую баклажан и думаю об Элине. Я так сильно о ней задумываюсь, что даже не замечаю, что художник стоит за моим плечом и внимательно изучает, как я кладу мазки на бумагу.

— Прекрасный баклажан, Марик! — хвалит меня. — Совсем как живой!

Потом я перехожу к болгарскому перцу и снова думаю об Элине.

Она живёт с мамой в соседнем доме.
Наверное, они тоже приехали на каникулы
к каким-то своим знакомым.

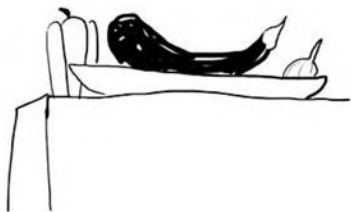
У них там большой двор, и есть даже
настоящая корова.

Однажды я видел из своего окна, как
Элина, привстав на цыпочки, что-то шеп-
тала ей прямо в большое коровье ухо.

Мне тоже иногда очень хочется сказать
что-то важное какой-нибудь случайной
корове. Ну, или собаке.

Лук у меня получился так себе, потому
что я хотел побыстрее уже закончить натюр-
морт. Но художник всё равно доволен:

— Марик, да у тебя талант! Надо его
развивать!

Собачий вальс

Я стараюсь всё делать тихо. Но калитка вскрикивает нервным металлическим голосом, как качели у нас во дворе.

На небе цвета мёртвого баклажана сияет созвездие Большой Медведицы.

Иду по узкой тропинке, которую кое-как освещает луна. По обе стороны от меня всё тонет во мраке. Это самый мрачный мрак, который я когда-либо встречал в жизни. Конечно, можно

пробежаться, чтобы не было так страшно. То есть страшно было бы ничуть не меньше, но по крайней мере не так долго. Вот только бежать я особо не могу, потому что в руках у меня кисть и тяжёлая банка с белой краской.

Вдруг замечаю — что-то зелёное светится в кустах. Что, если это шакал? Что, если это светятся в темноте его глаза? Я знаю, что иногда шакалы нападают на людей... Странно, что светится только один глаз. Возможно, это одноглазый шакал. Возможно, глаз он потерял в бою. Но я не уверен, что смогу дать отпор даже одноглазому шакалу... Или это обычный светлячок?

Я внимательно вслушиваюсь в тишину. Она кишит шорохами листьев, голосами невидимых насекомых и тяжёлыми вздохами прибоя.

Зелёный глаз смотрит на меня не моргая. Он уже совсем близко. Я весь

дрожу. Наверное, потому что вечерами в горах бывает прохладно. Я стараюсь не смотреть в его сторону, прохожу мимо и ускоряю шаг.

Фух! Вроде бы пронесло...

Если бы этот Табаки посмел напасть на меня, я бы схватил его за хвост и стукнул о ближайшую пальму, как это сделал Маугли.

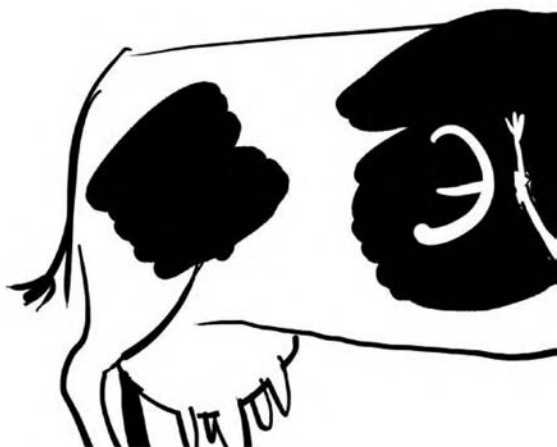
Ещё совсем немного — и я у цели.

Корова стоит неподвижно, только косится на меня и безразлично болтает хвостом. Вблизи она кажется огромной, как слон. Она заслоняет собой небо с Большой Медведицей, дом, где живёт Элина, огромную гору с лесом, где шныряют одноглазые шакалы... Она заслоняет все мои страхи, весь мир, в котором сейчас нет никого — только я и корова.

Хорошо, что я взял у художника самую здоровенную банку белил. Я окунаю кисть в краску...

На следующее утро просыпаюсь от громких голосов за окном.

Какой-то человек говорит со странным акцентом:

— Вы понимаете, что это хулиганство,
да?!

Слышу, как художник интересуется:

— Корова не пострадала?

— Слушай, как не пострадала?!

До сих пор страдает! Морально. Над
ней же все смеются!

— Ну, уважаемый, — говорит художник, — какая же у коровы мораль? Что вы в самом деле...

Тот отвечает:

— Зачем так говоришь, дорогой! Второй такой коровы больше нигде не найдёшь! Эта корова — моя гордость! Как

дочь её растил! Воспитывал в любви и строгости! А вашего хулигана не мешало бы с ремнём познакомить.

— Об этом не волнуйтесь! — слышу папин голос. — Я его так выпорю, — живого места не останется.

Когда всё стихает, я с некоторой опаской выхожу из комнаты.

— Марик! — увидев меня, восклицает художник.

Я замираю
на месте:
— Простите, —
говорю, — я больше
так не буду.

— Это гени-
ально! —

не обращая вни-
мания на мои слова,
продолжает художник. Видно, что он
перевозбуждён. — До этого дня я недо-
любливал современное искусство, —
говорит, размахивая в воздухе дымящейся
сигарой, — но ты переплюнул всех аван-
гардистов! Они просто дети по сравнению
с тобой! Весь этот боди-арт... Прости,
господи, большое дело: экспонировать
в выставочных залах живых людей!
Жалкие потуги! А все эти картины на бар-
хате, на верхнем слое лубяного волокна,
на яичной скорлупе, на глиняных и фаян-
совых черепках...

Я мало улавливаю из того, что он тарыхтит. Но художника это не смущает.

— Никто из них не додумался писать на коровах! Никто! Это новое слово! Браво! Я снимаю перед тобой шляпу!

Но никакой шляпы при нём нет. Видимо, он снял её передо мной заранее, ещё в прихожей, и оставил на вешалке.

Тут в разговор вступает папа:

— Я мало что понимаю в искусстве, но мне тоже понравилось, — и улыбается.

По правде говоря, не думал, что поднимется столько шума. Даже представить себе не мог такой реакции. Я просто хотел, чтобы Элина проснулась утром, посмотрела в окно или вышла во двор и увидела корову, на боку у которой написано: «Элина, я тебя люблю!» А больше я ни о чём не думал...

После завтрака, вместо пляжа, мы с папой идём стирать моё объяснение. Художник дал нам банку керосина

и несколько тряпок. Во дворе никого не видно. Корова приветствует нас громогласным мычанием.

— Эх, жалко смывать такую красоту... — вздыхает папа. — Почтовая корова! Надо же было такое придумать! — говорит. — Какой же ты у меня молодец!

Вечером того же дня мы с папой отправляемся в Москву. Сидим в купе друг напротив друга и смотрим в окно. Там идёт дождь.

Папа говорит:

— Уезжать в дождь — хорошая примета.

Море за стеклом серое. Небо тоже серое. Поезд немного покачивает. Ложечка позвякивает в стакане с недопитым чаем. Колёса постукивают на стыках рельсов. Мне грустно из-за того, что приходится уезжать. И ещё из-за того, что я так и не попрощался с Элиной.

— Ух ты! —
вдруг негромко
вскрикивает
папа. — Смотри!
Смотри! — и тычет
пальцем в сторону
моря. — Видишь
этот хобот над
водой? Это смерч!
Точно! Смерч!

— Я никогда
раньше не видел
настоящих смерчей.

— Теперь ты
понимаешь, — говорит, — как нам
повезло!

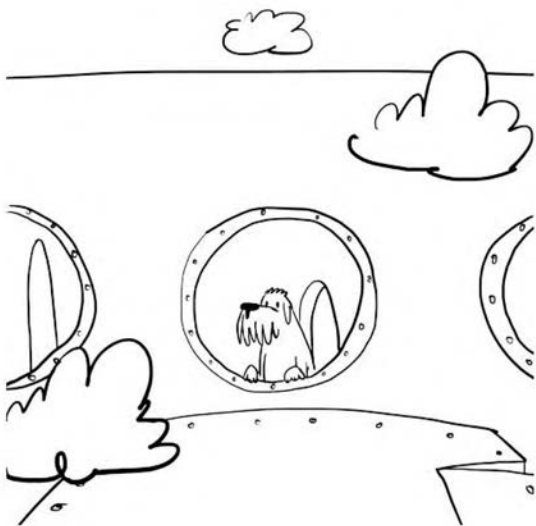
Я спрашиваю:

— А уезжать в смерч — хорошая
примета?

— Ещё бы! — отвечает.

— Да уж, — вздыхаю, — что может
быть лучше, чем в смерч уезжать.

— Так всё-таки? — спрашивает.
— Чего «всё-таки»?

— Как с собакой быть, когда ты уедешь?

— Я её с собой возьму, —
отвечаю. — На тебя я бы ещё мог её оста-
вить, а на этих равнодушных людей —
никогда. Бабушка с дедушкой будут рады.

— С собой — это как? — интересу-
ется.

— Купим ей билет на самолёт, —
говорю.

— Ага, бизнес-классом её отправим!

— Вы с собакой, — говорит, — это, конечно, очень большая, но всё-таки только часть моей личной жизни.

— Я не хочу никаких детей! — заявляю. — Ищи кого-нибудь без них. Тебе что, меня мало?

— Более чем достаточно! — признаётся. — Кстати, насчёт детей... Ты какую собаку хочешь: девочку или мальчика?

— Девочку, наверное, — отвечаю.

— Если девочку, то надо будет её стерилизовать, — говорит.

— Это как? — спрашиваю.

— Операцию такую специальную делать, чтобы она рожать не могла.

— Операцию? Что, прямо разрежут?

— Ну да, — говорит. — Разрежут и удалят что-то там, чтобы у неё щенков не было. А потом зашьют.

— Ты это серьёзно? — спрашиваю на всякий случай.

Собачий вальс

— Ну да! — говорит. — Зачем нам щенки? Куда их девать?

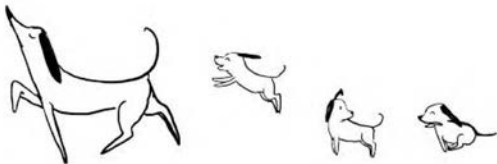
— Никуда! Будут с нами жить!

— Этого только не хватало! — возмущается.

— Интересный ты человек! — кричу. — Чужих детей на мой диван запускать — это по-твоему нормально, а от родных щенков отказываешься!

— Стоп-стоп-стоп! — тормозит меня папа. — Мы с тобой говорили только об одной собаке. А ты, я смотрю, уже их разведением решил заняться!

— Ничего я не решил, — отвечаю. — Просто мне её жалко. Я уже лежал в больнице — врагу не пожелаешь.

Мне аденоиды удаляли. Из-за этих аденоидов я плохо носом дышал и часто простужался.

И вот эта больница... — вообще ничего хорошего.

Все время в пижаме ходишь и на улицу не выпускают.

Кормят супом и кашами. Ну, то есть на обед — жидкая каша в виде супа, а на ужин — то же самое, но уже без воды.

Единственное, что мне там понравилось, — это манная каша с комками.

Больше всего в манной каше я люблю комки. У папы почему-то никогда так не получается. Сколько я его ни просил — не выходят у него комки и всё тут.

Ну и скучно, конечно. Из всех развлечений — только сон. Остальное — сплошное издевательство. Одна «кукушка» чего стоит!

Льют тебе в нос какую-то гадость, и ты же в это время должен «ку-ку» говорить. Зачем? — непонятно. Чтобы этой

врачихе не так скучно было? Может, в то время, когда ты лежишь с запрокинутой головой и носом, полным соплей, она себя в лесу представляет, и её звуки живой природы нервы успокаивают? — не знаю. Причём ни разу не попросила почирикать или как-нибудь там пощебетать для разнообразия. Нет, «ку-ку» требует — и всё!

Я раньше думал доктором стать, когда вырасту, но после этой больницы передумал. Я ещё точно не знаю, кем буду, но точно не доктором.

А потом мне операцию делали. Ну, аденоиды удаляли.

Врач вся в полиэтилене, как спрятанная от моли на лето шуба в шкафу, резиновыми пальцами копошится в моём рту. Какими-то металлическими штукаками откручивает мои аденоиды. Больно ужасно. «Ну, — думаю, — если сейчас ещё попросит “ку-ку” сказать, я её сам что-нибудь откручу». Но нет.

Собачий вальс

— Подыши носом, — говорит.

Я дышу с трудом, еле-еле.

— Как? — спрашивает. — Хорошо дышишь?

Я утвердительно киваю — только бы перестала мучить.

— Теперь всё время будешь так дышать, — радостно говорит.

И вот после всего этого сдать собаку в больницу, чтобы они ей там удалили в животе какие-то аденоиды, и она не смогла щенков родить?

— Ты считаешь, это нормально? — спрашиваю у папы.

— Не знаю... — бурчит. — Но идея со щенками мне не нравится.

— Ладно, — говорю, — давай возьмём мальчика.

— Хорошо, — отвечает, — только учти: мальчика надо будет кастрировать.

— Это как?

— Операцию такую делать, чтобы у него детей не было.

— Опять операцию?! Издеваешься?!
Какие у мальчика могут быть дети?!

— Да какие угодно! Или ты думаешь, мальчики в этом участия не принимают?

— Это понятно, — говорю, — не маленький. — Но мальчики не рожают. Зачем его... Как это..?

— Кастрировать?

— Да.

— Чтобы он за девочками не бегал.

— Он что, после этого бегать не сможет?

— Бегать сможет. Ему же не лапы удалят. Просто не будет желания.

— А что ему удалят? — спрашиваю.

— Что-то в яичках, кажется.

— Какие-то аденоиды в яичках?

— Это называется семенники.

— Без этих семенников у него не будет личной жизни?

— Нет.

— Как-то всё это неправильно, —
вздыхаю. — Вот мне аденоиды из носа
удалили, чтобы я дышал лучше, — это
я ещё могу понять. Маме гланды в детстве
отчикали, чтобы ангиной не болела, —
тоже ясно. Тебе аппендицит вырезали,
чтобы живот не болел, — ещё куда
ни шло. Но делать операцию от личной
жизни... Это вообще что
такое?

Тут папа говорит:

— Понимаешь,
мне кажется, что,
если мы решим
взять собаку...

— Не нравится мне это твоё «если»! — перебиваю его.

— Ну да, — продолжает. — Если без «если», то нам стоит взять дворняжку.

— Что? — я не верю своим ушам. — Обыкновенную дворняжку?

— Конечно, — спокойно так говорит. — Видишь ли, породистую собаку пристроить не проблема. Обязательно найдётся желающий завести овчарку или золотистого ретривера. Полно желающих купить хаски или чау-чау...

— Точно! — говорю.

— В этом случае можно обойтись без кастрации и стерилизации — пристроить щенков будет несложно.

— Вот и прекрасно! — говорю.

Но он не обращает внимания на мои слова.

— А дворняжек мало кто хочет брать.

— Естественно!

— Почему это «естественно»?

— Ну, не знаю, — говорю. — Дворняжка... Что в ней такого?

— То же, что и в любой другой собаке, — отвечает. — Зачем тебе собака? Ты же сам сказал: «Для души». Какая тебе разница, что у неё в паспорте будет написано?

— У собак что, тоже паспорт есть? — удивляюсь.

— Конечно, — отвечает. — В наше время без паспорта никак нельзя. Даже собаке. В нём указано, какой она породы,

Собачий вальс

когда родилась, кто владелец, какие ей прививки сделаны и всякое такое...

— А что, в паспорте так и пишут «дворяжка»? — интересуюсь.

— Нет, — говорит. — В паспорте пишут «метис».

— Что за «метис»?

— Это, — отвечает, — такая беспородная порода. Смешанная.

— Значит, ты хочешь беспородного метиса? — спрашиваю. — Чем твоя дворяжка лучше породистой собаки?

— Да ничем, — говорит.

— Ничего не понимаю! Зачем тогда она нам нужна? Почему для души нельзя взять золотистого ретривера?

— Знаешь, какие животные в приюты попадают? — спрашивает.

— В какие ещё приюты?

— Приют — это место, где живут брошенные, бездомные, покалеченные собаки.

— Отлично! — говорю. — Хочешь, чтобы мы взяли хромую дворняжку? Я как-то по-другому себе представлял нашу собаку.

— Ну, не обязательно хромую, — отвечает. — В приютах вообще все собаки несчастные. Даже те,

что абсолютно здоровы. Потому что
главное для собаки — что?

Я пожимаю плечами:

— Здоровые зубы?

— Нет.

— Хороший нюх?

— Нет.

— Молодец, — хвалит меня папа. —
А ещё бывает, что собака убегает от
хозяина, теряется, и в результате оказыва-
ется в приюте.

— Собака что, тоже может заблу-
диться?

— Конечно, — говорит папа.

— Я всегда думал, что собака — лучшая на свете ищейка!

— Ну, — вздыхает, — иногда и сапожник без сапог. Собака ориентируется по запаху, а в городе столько запахов, что легко сбиться со следа. Тем более что и следов в городе тоже очень много.

— А если у неё ещё и аденоиды в носу, и она еле дышит... Такое же может быть? — спрашиваю.

— Запросто, — соглашается папа.

В детстве мне очень хотелось заблудиться, но только не одному, а вместе с папой. Вдвоём всё-таки не так страшно.

Я хорошо это помню. Как-то раз выходим мы из дому на прогулку и идём по бульвару. Потом я говорю:

— Давай свернём на эту улицу.

— Давай, — говорит папа.

И мы сворачиваем.

— А теперь на эту.

Мы петляем по городу, и мне кажется, что вот-вот заблудимся.

Пройдя ещё несколько переулков, я спрашиваю с надеждой:

— Скажи, мы уже заблудились?

Собачий вальс

Папа говорит:

— Похоже на то.

Я уточняю:

— Правда?

Он отвечает:

— Наверное, да.

— Что же нам делать?

Папа говорит:

— Ума не приложу, — и озирается по сторонам. — Вот чёрт: как назло я компас с собой не взял.

— Эх ты! — я ему говорю. — Надо всегда компас с собой брать, когда на улицу выходишь! Чем вообще ты думал? Как мы теперь дорогу найдём?

— Ну, в принципе можно и без компаса определить стороны света. Главное — понять, где у нас тут север. Мох на деревьях всегда растёт с северной стороны. Пошли искать мох!

Мы подходим к ближайшему дереву, но мох на нём не растёт. Обследуем другие стволы, но и там ничего не находим.

— Странно... — говорит папа задумчиво. — Совсем нет мха!

— Может, мох зимой не растёт? — спрашиваю.

— Может, и не растёт, — растерянно так отвечает.

— Всё! Заблудились! Так я и знал! — говорю.

— Можно ещё муравейник поискать, — неуверенно заявляет. — По муравейнику

как-то тоже можно определить, в какую сторону идти. Хотя с муравейниками в это время года, наверное, та же история...

— Ну конечно, — я ему говорю. — Где ты видел муравьёв посреди зимы? О чём ты только думаешь? Как мы их под снегом искать будем по-твоему?

— Есть ещё один верный способ не заблудиться, — не унимается. — Полярная звезда!

— Что с Полярной звездой?

— Она всегда находится на севере. Это я точно знаю! Ночью на безоблачном небе её легко найти по созвездию Большой Медведицы.

— Ночью? — решаю уточнить.

Тут до него наконец-то доходит:

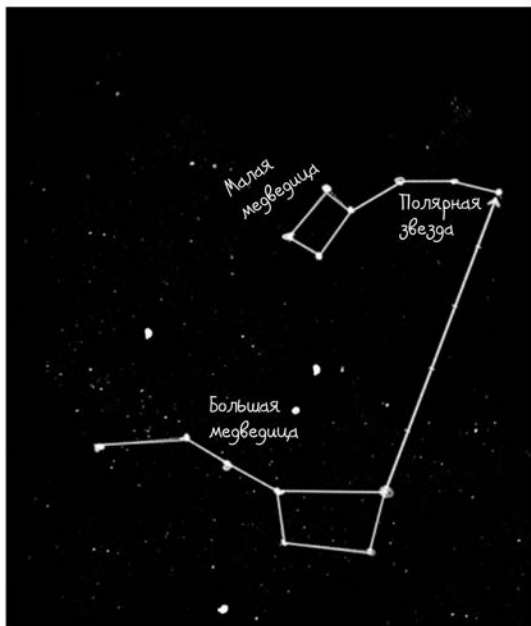
— Да, ты прав: до ночи на таком морозе мы совсем околеем.

Стоим посреди переулка и от холода аж пританцовываем, как перед запертой дверью в туалет.

— Может, зайдём пока в кафе погреемся? — предлагает папа.

Оглядываюсь по сторонам:

— Что-то я тут не вижу никакого кафе.

— Да вот там, за углом, — говорит, —
есть одно кафе. Там отличные профитроли.
Пойдём!

Тут я набрасываюсь на него с кула-
ками. А он стоит и хохочет.

— Тебе нельзя верить! — кричу. —
Ты обманщик!

Мне обидно до слёз. Так хотелось хоть
немножко заблудиться.

Потом мы сидим в кафе, пьём чай
с профитролями.

Папа меня успокаивает:

— Не расстраивайся так! — говорит. — В городе очень сложно взаправду заблудиться. В крайнем случае всегда можно спросить у кого-нибудь дорогу, или найти автобус, который тебя к самому дому подвезёт.

Он подливает мне горячего чаю:

— Но однажды мы с тобой обязательно заблудимся в каком-нибудь диком лесу.

— Чтобы там обязательно шакалы были, — уточняю.

— Конечно, — соглашается, — обязательно! И шакалы, и волки, и тигры с пантерами!

— Ну, это ты загнул, — говорю. — С тиграми и пантерами это уже, по-моему, перебор!

— Да, ладно, — отвечает, — нормально. Ты же хочешь, чтобы по-настоящему страшно было?

— Ну, не то, чтобы совсем ужас-ужас, — говорю.

Папа хмыкает:

— Ничего-ничего, тебе понравится. Будем искать мох, муравейники и Полярную звезду. Я тебе это устрою. Обещаю.

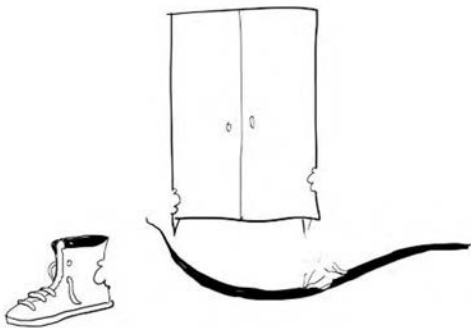

Мы сидим за столом на кухне. Папа чистит мне яблоко гольден. Он всегда так аккуратно срезает кожуру, что выходит целая лента, похожая на новогоднее украшение. Она настолько длинная, что кажется, её можно обернуть как минимум полкилограмма этих гольденов. Потом папа съедает кожуру, а мне нарезает яблоко дольками. В результате остаётся только ровный столбик с косточками и хвостиком.

Папа говорит:

— В приютах очень много беспризорных собак. Они там страдают и мечтают, чтобы кто-нибудь их взял в семью.

Собачий вальс

Поэтому, если уж заводить собаку, то лучше сделать доброе дело и взять щенка оттуда.

— Хорошо, — соглашаюсь. — Давай сделаем доброе дело. Мне не обязательно, чтобы породистая. Ты же знаешь: я люблю собак. Особенно всех.

— Но у собаки из приюта может быть не очень устойчивая психика, — рассуждает папа.

— То есть, — говорю, — плюс ко всему она будет ещё и чокнутой?

— Ну, как тебе сказать...
 Не то, чтобы чокнутой...
 Но может бояться человека,
 большого города, потока
 машин. Не говоря уже о том,
 что к жизни в квартире,
 скорее всего, будет не готова.
 И тебе придётся всё время
 за ней подтирать, пока
 не научится проситься
 на улицу.

— Ну, это ещё ладно, — вздыхаю
 и отправляю в рот яблочную дольку.

— И лучше, конечно, по крайней мере
 на первых порах, не оставлять её дома
 одну.

— Почему? — интересуюсь.

— В состоянии стресса собаки обычно
 начинают грызть всё подряд: мебель,
 обувь, провода...

— Провода? — удивляюсь. — С про-
 водами надо что-то решать!

— Тебе что, провода дороже ботинок и мебели? — возмущается.

— Конечно! — отвечаю. — Компьютер и телек от проводов работают. А главное — что, если её током стукнет?

— А я, между прочим, — говорит папа, — ботинки тебе совсем недавно купил. Будет жалко, если сгрызёт.

Тут я вспоминаю Пишу. Отдавать ему новые ботинки очень не хотелось. Но для

собственной собаки я бы никаких башмаков не пожалел. Только папе я об этом, понятное дело, ничего не говорю.

— Ботинки тебе дороже собаки, — ворчу.

— Они же новые совсем!

— Собака, надеюсь, у нас тоже будет не старая!

Но он как будто меня не слышит:

— Я их со скидкой купил, но всё равно недёшево, — говорит таким тоном, как будто от ботинок уже осталось только мокрое от собачей слюны место.

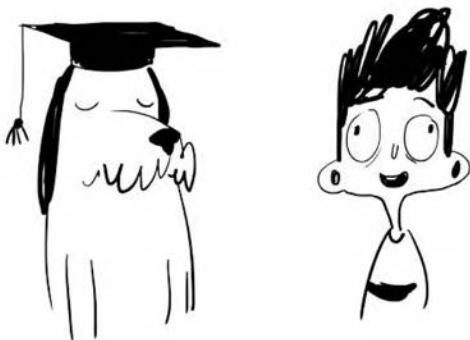
— Да ладно тебе, — стараюсь его подбодрить. — Может, она их и не тронет.

— Я последнюю пару взял, — вздыхает. — Вторые такие захочешь — уже не купишь.

У меня лопается терпение. Я кричу:

— Ты вообще нормальный человек?!
О чём ты говоришь?

А он как ни в чём не бывало:

— О ботинках. Ты что, совсем меня не слушаешь?

— Это я не слушаю? Ботинки, ботинки... Все уши прожужжал своими ботинками!

— Между прочим, — продолжает, — диван у тебя тоже совсем новый.

— О, господи!

Мебели у нас полно — всю не сгрызёт. Это же собака, а не какая-нибудь лесопилка.

— Какое-то время я могу с ней дома побыть, — предлагаю.

— Что это значит? — спрашивает. — Вместо школы и музыкалки будешь собакой заниматься?

Я говорю:

— Буду её воспитывать, чтобы она ничего не грызла.

Папа восклицает:

— Прекрасно! Будут у нас воспитанная собака и мальчик-дурачок!

— Это ты сейчас про меня сказал? — решаю уточнить.

Он говорит:

— Не знаю, как там дальше пойдёт, но пока что мальчик у меня только один. Доедай своё яблоко!

С тех пор мы с папой больше не говорим про собаку. Он молчит, и я молчу.

По правде сказать, я даже не предполагал, что всё так сложно. Не то, чтобы меня это напугало... Не могу сказать, что перехотел. Просто задумался: смогу ли я со всем этим справиться?

О чём размышляет папа, я не знаю. Захочет — сам расскажет. Не буду больше спрашивать его про собаку. Так я думаю.

Проходит несколько дней. Всё это время мы беседуем на разные темы, но только не о самом главном. И как-то

раз терпение у меня всё-таки лопается, и я говорю:

— Я так понимаю, что собаку мы не берём?

Папа ничего не отвечает. Как мыл в этот момент посуду, так и продолжает мыть. Ну, точно, — решаю, — не видать мне собаки.

— По-моему у тебя со слухом какие-то проблемы! — говорю уже громче.

— Как ты думаешь, — оборачивается наконец ко мне, — кто обычно заводит собак?

Иногда он задаёт очень странные вопросы.

— Тот, кто их любит, — говорю, — тот обычно и заводит. Что тут непонятного?

— Ну, не факт, — говорит папа. — Я вот, к примеру, люблю лошадей, но не собираюсь их заводить. Обезьяны мне тоже очень нравятся. Особенно в цирке.

А от тигров я вообще тащусь, когда их по «Animal Planet» показывают.

— К чему это ты? — спрашиваю его напрямую.

— К тому, что собак, как правило, заводят очень одинокие люди, которым не хватает общения, которым нужно о ком-то заботиться... Понимаешь? Тут одной любви мало. Нужна ещё потребность.

— У меня есть потребность, — говорю.

— Да?

— Огромная! — уточняю.

— И в чём
твоя огромная
потребность?

— В том,
чтобы общаться! —
отвечаю.

— С собакой? — почему-то его это удивляет.

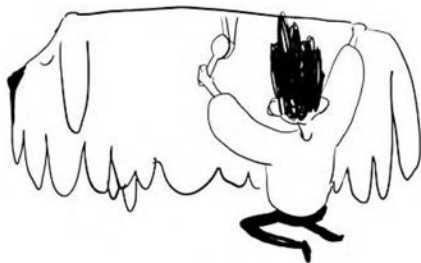
— Ну да! — говорю. — Я хочу общаться с собакой!

— Ты же можешь общаться со мной! Чем я хуже собаки? — он даже перестаёт мыть посуду в ожидании ответа.

— Ничем, — говорю.

Как же он не понимает, что это совсем другое!

— Ещё у тебя есть мама, бабушка и дедушка, — продолжает. — В конце концов, если ты такой общительный, может, тебе завести друзей?

Легко ему говорить! Как будто это плёвое дело — друзей заводить. С друзьями у меня туго. Это правда. Как их завести? — я не знаю. Собаку можно купить, взять в приюте, подобрать на улице... С друзьями всё гораздо сложнее. У меня есть приятели и в школе, и во дворе, но друзьями их не назовёшь.

Я надеюсь, когда-нибудь у меня всё-таки появится настоящий друг. Хотя бы один.

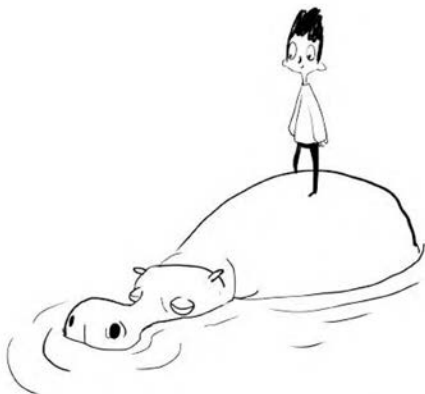
— Так что насчёт огромной потребности? — не унимается папа.

— Я хочу за ней ухаживать, — отвечаю.

— За собакой? — снова переспрашивает.

— Ну да! Мы же собаку собирались взять — не бегемота!

— Вот знаешь, мне очень обидно, — говорит папа, — что ты хочешь ухаживать за какой-то абстрактной собакой, а не за мной, например.

— Чего за тобой ухаживать? Ты и так ухоженный.

— Ты мог бы хоть иногда мне помогать! Вот, — встряхивает над раковиной мокрую тарелку, — мыть посуду или пыль вытирать. А ты даже постель себе стелить не хочешь.

— У тебя это лучше получается, — говорю.

— Ладно, — продолжает папа, — за мной можешь не ухаживать. А бабушка

и дедушка? Можешь ухаживать за ними, раз тебе так приспичило. Им было бы приятно. Дедушка, думаю, даже не стал бы возражать, если бы ты его иногда за ухом почёсывал.

— Ты меня не понимаешь или специально хочешь разозлить? — я его спрашиваю.

— Нет, — говорит, — злить я тебя не собираюсь. Просто пытаюсь объяснить, что тебе, слава богу, есть кого любить, кроме собаки.

— Это я и так знаю!

Но он не обращает внимания на мои слова:

— Любить собаку, конечно, прикольнее, чем меня. Это я понимаю.

— Почему это прикольнее?

— Потому что у меня нет хвоста, и я не могу им вилять при встрече с тобой. И, как правило, я ни на кого не рычу. Ну, если только на родительском собрании,

когда начинают в очередной раз собирать деньги «на классные нужды». Я не могу отрастить себе уши, чтобы хлопать ими, когда скачу вокруг тебя.

— По-моему, ты сейчас глупости говоришь, — замечаю.

— Ничего не глупости, — отвечает. — Любить собаку проще, чем человека.

— Это ещё почему? — спрашиваю.

— Потому что ты не скажешь мне «Фу!», когда я решу проверить твой дневник, — говорит. — Потому что мама не станет всякий раз подбегать к тебе по команде «Ко мне!» Ты же знаешь, как она всегда занята. А дедушка, хоть морально и готов, но всё равно не станет облизывать тебе руки за то, что ты его за ухом почесал. Но ни одна собака не будет волноваться за тебя больше, чем мы. И пытаться понять. И любить тебя так, как мы, она не сможет.

Собачий вальс

— Я так понимаю, что собаки у меня не будет? — спрашиваю на всякий случай, хотя и так уже всё понятно.

Папа вздыхает:

— Мы у тебя давно уже есть. Зачем кого-то нового заводить?

Я говорю:

— Ты же сам собираешься завести какую-то тётку с кучей детей, хотя у тебя уже есть я, бабушка и дедушка.

— Это другое, — возражает. — У меня потребность создать полноценную семью.

— И у меня то же самое! — пытаюсь ему втолковать. — Может, мне для полноценной семьи только собаки и не хватает! И потом — это было бы честно: ты заводишь себе тётку, а я — собаку. Так было бы по справедливости.

Он только разводит руками. Вижу, нечего ему возразить.

Перед сном, лёжа в постели, я думаю о своём друге.

Он на несколько лет старше меня. Большой и сильный. Он занимается карате или какими-то другими восточными единоборствами.

Он живёт в соседнем доме. Родителей у него нет. Они все погибли в авиакатастрофе. Мама, папа, дедушки, бабушки, двоюродные и троюродные братья и сестры — все летели одним рейсом.

Самолёт попал в страшный смерч, его сильно затрясло, а потом так тряхануло, что отвалилось сначала одно крыло, а за ним и второе. Но лётчик

авиакомпании — лауреата премии «Крылья России» всё равно смог вывести лайнер из зоны турбулентности. Он посадил его на воду, посреди Тихого океана. Посадка была жёсткой — многие пассажиры уже тогда получили не совместимые с жизнью травмы, не считая синяков и царапин.

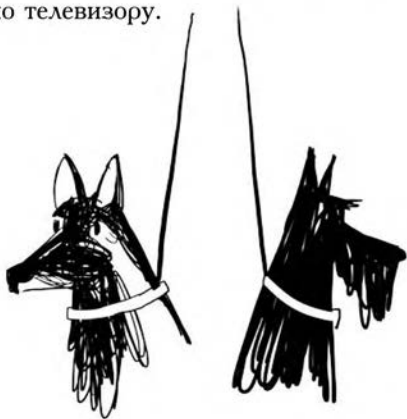
Чёрное грозное небо, чёрный, совсем не тихий океан... Самолёт раскачивался на волнах и в любой момент готов был разломиться, как игрушечный.

Стюардесса объявила, чтобы все надели спасательные жилеты (они находятся под сиденьями кресел). Самолёт между тем уже начал тонуть. В иллюминаторах можно было видеть проплывавших мимо электрических скатов, акул и рыб поменьше. Но никто на это тогда не обратил особого внимания, потому что среди пассажиров началась паника.

Люди метались по узкому проходу, наталкивались друг на друга, кричали

и плакали. Стюардессы открыли аварийные люки — вода тут же хлынула в салон. Пилот отдал команду, чтобы сначала пропустили беременных женщин, потом детей, инвалидов и людей пожилого возраста. Но спастись не удалось никому. Все погибли. Ужасная трагедия.

Позже самолёт подняли со дна океана, нашли «чёрные ящики» — так стало известно о том, как всё было на самом деле. Об этом написали в газетах и рассказали по телевизору.

Авиакомпания выплатила компенсацию родственникам погибших. Мой друг получил очень много денег, потому что в этой авиакатастрофе погибла вся его родня. Человек десять — не меньше. Теперь ему есть чем платить за квартиру, еду и всякое такое, но он очень одинок. Если не считать меня, у него не осталось ни одной близкой души на целом свете. Поэтому он купил служебную собаку. Нет, лучше двух. Овчарку и ризеншнауцера. Мы с ними иногда гуляем по вечерам. Я веду на поводке одну собаку, а он — другую.

Если бы не я и собаки... Даже не знаю, как бы он смог справиться с этим несчастьем!

Я, конечно, стараюсь делать всё, чтобы он не так сильно переживал, что остался без родных. Звоню ему по телефону несколько раз в день, интересуюсь его делами, а когда он болеет, сам вывожу

Собачий вальс

собак на прогулку. Они ко мне привыкли и слушаются с полуслова.

Лежу, смотрю в окно. Там луна, как нарезанная папой долька яблока гольден, висит в темноте, ни за что не подвешенная, ни на что не опираясь. Болтается посреди неба и даже не колышется. Как приклеенная.

Пытаюсь представить себя на месте моего друга, чтобы вот так, совсем

одному... Самому готовить себе еду, стелить постель, убирать, приходить из школы в пустую квартиру, вспоминать родителей...

Что, если бы в том самолёте оказались мои папа, мама, бабушка и дедушка? Что, если бы я сейчас лежал в этой темноте совсем один? Если бы из-за стены не доносился папин храп? Если бы он не готовил мне завтраки и всё остальное? Если бы не стелил постель, не собирал мои носки по всей квартире? Если бы я не мог с ним поговорить в любой момент, когда только захочется? Что, если бы его вдруг совсем не стало?

Я трясу его за плечо. Храп прерывается. Он открывает сначала один глаз, затем второй:

— Что случилось? — спрашивает скрипучим, сонным голосом.

Я, ничего не говоря, падаю к нему в кровать, крепко обхватываю его руку и утыкаюсь носом в плечо:

— Я бы тебя, — говорю, — ни на какую собаку не променял!

Он гладит меня по щеке:

— Это хорошо. Но, если ты не перестанешь рыдать, мы утонем в болоте из твоих соплей.

Я ничего не отвечаю. Только шмыгаю носом и чувствую, как становится спокойно и хорошо, и как сон засасывает меня в своё тёплое и уютное болото. В какой-то момент я просыпаюсь от страшного, душе-раздирающего храпа, но тут же снова засыпаю.

ЭПИЛОГ

Как-то папе пришлось в очередной раз пойти в школу на родительское собрание. Если честно, не очень-то он это дело любит. Не из-за того, что меня могут поругать и ему будет стыдно. Просто папе там скучно.

Он говорит: «Все родительские собрания написаны по одному сценарию: всегда понятно, что будет дальше и чем закончится — в конце обязательно прозвучит фраза: “Не забудьте сдать деньги на классные нужды”».

Но в тот раз, как сообщил мне папа, было не совсем обычное родительское собрание.

Наша классная Зоя Фёдоровна говорит:

— Ещё, как вы знаете, у нас появилась замечательная традиция — родители устраивают для детей экскурсии на свою работу. Вот мама Вовы Мартынюка показала классу табачную фабрику. Теперь, когда ребята ознакомились с производством сигарет, узнали, из чего они делаются, сколько в них входит всяких вредных для здоровья человека веществ, они задумаются и, возможно, никогда не станут курить.

Мама Иры Зайцевой оглядывает родителей и интересуется:

— А на ликёро-водочном заводе у нас никто не работает?

Бабушка Вани Пархоменко её поддерживает:

— Ага, или в «Макдональдсе». Вот пусть дети посмотрят, из чего эти гамбургеры лепят. Там же всё генетически модифицированное! От картошки до салфеток! Я как-то раз зашла с Ванечкой, так мне от одного запаха дурно стало! Никто там не работает?

Зоя Фёдоровна продолжает:

— Да, так вот. Мама Ани Свириденко отвела класс в противочумный институт, рассказала о различных инфекционных заболеваниях. Очень интересная и познавательная получилась экскурсия, думаю, дети поделились с вами впечатлениями.

— Хорошо, что они с нами инфекционными заболеваниями не поделились, — ворчит чья-то мама.

Зоя Фёдоровна говорит:

— Папа Серёжи Фролова, например, прораб. Папа Серёжи Фролова здесь? Нет? Вот, кто нужен, того никогда нет.

Ну ладно. Он показал детям, как строится жилой дом. Тоже очень познавательно.

Мама Иры Зайцевой тут же вставляет:

— Да, столько новых слов узнали...

— Ой, перестаньте, — говорит бабушка Вани Пархоменко, — можно подумать, они до стройки этих слов не знали. От слов ещё никому плохо не было, в отличие от гамбургеров.

— В общем, нужно наметить следующую экскурсию, — говорит Зоя Фёдоровна. — Родители, кто где работает? Признавайтесь! Кто ещё может показать ребятам что-нибудь интересное? Родители? Что вы замолчали?

— Зоя Фёдоровна, что вы на меня смотрите? — возмущается папа Оли Ворониной. — Я урологом работаю в шестой больнице. Я не против, пожалуйста. Если вы настаиваете...

Классная поворачивается к папе Лизы Горбуновой:

УМОРИТЕЛЬНО СМЕШНЫЕ КНИГИ

Название этой серии говорит само за себя.

Но пусть никого не вводит в заблуждение весёлый, а подчас хулиганский стиль книг. Разговаривая с детьми на их языке, эти книги прививают им любовь к чтению и подводят к действительно важным выводам о ценности семьи, дружбы, о доброте, взаимовыручке и многом другом.

7-13

мы ГАРАНТИРУЕМ:
три часа смеха
для детей
и свободного
времени
для родителей!

Франсуаза Буше КНИГА, КОТОРАЯ УЧИТ ЛЮБИТЬ КНИГИ

Похоже, секрет любви к книгам раскрыт! Гарантируем: вас ждут изумление, веселье, безудержный смех и масса открытий. А также уморительные рисунки, сумасшедшие идеи и прекрасно проведённое время. Вы узнаете: чем книга лучше шоколадки, телевизора и даже компьютера; как стать яркой личностью и блистать в кругу друзей; как понять, чего хочет ваша кошка, и ещё много всего интересного. Но главное — после этой книги ребёнок больше никогда не скажет, что читают только «ботаники» и зубрилы. Ведь чтение — это так здорово!

КНИГА О ТОМ, КТО ТАКИЕ РОДИТЕЛИ

Лучшая книга века, по мнению общества семейной гармонии.

На 200% необходима всем и каждому! Узнай, почему твои родители самые потрясающие люди на свете! И даже если они тебя ругают, то только потому, что желают тебе ДОБРА!

Дэвид Уэльямс
**МАЛЬЧИК-МИЛЛИАРДЕР
 СЭР ВОНЮЧКА**

Тёплые, добрые, забавные и трогательные истории о том, что за деньги нельзя купить дружбу и любовь. Автор этих книг Д. Уэльямс — потрясающая личность, настоящая легенда и один из самых известных людей Великобритании. Он рассказывает о том, что самое важное для человека — это его близкие.

Энди Стэнтон
**УЖАСНЫЙ МИСТЕР БЯК!
 МИСТЕР БЯК
 И ПРЯНИЧНЫЙ
 МИЛЛИАРДЕР**

Мистер Бяк — ужасный тип! Он люто ненавидит животных, детей, веселье и варёную кукурузу. Читайте весёлые и поучительные истории о приключениях мистера Бяка, его немногочисленных друзей и многочисленных врагов.

Джим Смит
Я НЕ ЛУЗЕР

Эту книгу должен прочитать каждый мальчик семи лет и старше, потому что это прекрасное пособие о том, как ставить на место школьных задира и забияк, и совершенно не лузерская история о том, как выйти победителем из сложной ситуации.

Кьяртан Поскитт
**АГАТА ВОРОБЕЙ
 И ЛЕТАЮЩАЯ ГОЛОВА**

Уморительно смешная история о школьных проказах девочки Агаты и её подружек. Они живут на Нечётной улице и ходят в Нечётную школу, где с ними постоянно происходят всякие курьёзные истории.
 ПРОДОЛЖЕНИЕ:
**АГАТА ВОРОБЕЙ
 И МАЛЬЧИК-ГРИБ**

• ИЗДАТЕЛЬСТВО •

СДЕЛАТЬ СЧАСТЛИВЫМИ НАШИХ ДЕТЕЙ

КТО МЫ ТАКИЕ

Издательство **CLEVER** — это уникальная команда целеустремлённых и увлечённых профессионалов, объединённых любовью к детям и книгам. Мы ездим по всему миру, чтобы найти для вас самые интересные идеи, а также общаемся с авторитетными экспертами в различных областях. Мы работаем, чтобы вы получали только особенные книги для себя и своих детей.

ЧЕГО МЫ ДОСТИГЛИ

Мы выпустили серию книг всемирно известного французского философа Оскара Бренифье, которая произвела революцию на рынке детских книг и стала визитной карточкой нашего издательства.

Мы придумали уникальный проект «Мои первые слова», направленный на развитие памяти, устной речи и познание окружающего мира детьми младшего возраста.

Мы познакомили Россию с замечательным художником Эрве Тюлле, создающим потрясающие интерактивные книги, среди которых «Живая книга». Серия «Сделать счастливыми наших детей», созданная в сотрудничестве с журналом Psychologies, уже второй год занимает первые места во всех рейтингах. Книги, отобранные нами для серии «Коллекционное издание», произвели фурор на книжном рынке своим полиграфическим исполнением.

В 2012 году мы получили «Книжную премию Рунета» в номинации «Художественная литература», а также премию «Пушкин» за популяризацию французской литературы в России.

КАК МЫ РАБОТАЕМ

Мы делаем умные и красивые книги для ваших детей и находим современный подход даже к классическим произведениям. Мы учитываем возрастные особенности взросления ребёнка и размещаем на обложках книг навигацию по возрасту и по темам, чтобы вам было легко ориентироваться. С нами сотрудничают опытные детские психологи, ведущие педиатры России, члены Российской академии медицинских наук. Наши яркие и красивые книги приятно держать в руках, читать, рассматривать и видеть на полке в своём доме. Все краски и бумага, которые мы используем в наших книгах, экологичны, прошли сертификацию для использования в детской полиграфической продукции.

МЫ В ИНТЕРНЕТЕ

www.clever-media.ru

clever-media-ru.livejournal.com

facebook.com/cleverbook.org

vk.com/clever_media_group

http://www.twitter.com/Clever_Media

[@cleverbook](https://www.instagram.com/cleverbook)

ЧЕГО МЫ ХОТИМ

Счастье и радость, которые вы получаете от чтения наших книг, — это следствие счастья и радости, которые мы вкладываем в нашу работу.

НАША МИССИЯ

МЫ СОЗДАЕМ МИР ИДЕЙ

ДЛЯ СЧАСТЬЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Умные, добрые,
красивые.

Какая из них твоя?

